

18+

Ирене Крекер

Сила жизни

Очерки и эссе

Ирене Крекер
Сила жизни. Очерки и эссе

«Издательские решения»

Крекер И.

Сила жизни. Очерки и эссе / И. Крекер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564912-6

В книге «Сила жизни» автор повествует о судьбах людей, которые, пройдя через жизненные испытания, добились поставленных целей, сохранив человеческое достоинство. Среди них учёный Борис Раушенбах, кинорежиссёр и поэт Эльдар Рязанов, поэт и художник Максимилиан Волошин, спортсмен Валерий Брумель, переводчик Достоевского Светлана Гайер и другие. Книга поможет читателю укрепить веру в возможность исполнения мечты. Ведь сила воли наряду с убеждённой и способностями — главный рецепт успеха.

ISBN 978-5-00-564912-6

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Поэт незрячий, увидевший и Запад, и Восток. (О Василии Ерошенко)	9
«Цветная спираль в стеклянном шарике». (О Владимире Набокове)	17
Мир Альберта Швейцера	20
Сергеев-Ценский.	24
Путешествие в мир Бориса Заходера	29
Игорь Доминич. Незавершённая строка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сила жизни Очерки и эссе Ирене Крекер

Валентин Васильевич Кузнецов *Редактор*

Валентин Васильевич Кузнецов *Корректор*

Вальдемар Шульц *Дизайнер обложки*

© Ирене Крекер, 2022

© Вальдемар Шульц, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-4912-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Книга «Сила жизни» – интернациональна по идее. Основная её мысль: мы все – люди одного рода-племени, называемого Человечеством, и родина для нас одна – планета Земля.

В книге рассказывается о судьбах людей, сильных духом, разных национальностей, объединённых общечеловеческими ценностями, моральными устоями и стремлением совершать открытия на благо человечества в области науки, техники, художественного творчества. Её открывает эссе о Василии Ерошенко, слепом музыканте, поэте, педагоге и путешественнике, а заканчивается она очерком о Московском международном фестивале «Нить Ариадны», форуме, которому нет аналогов.

И это – неслучайно. Василий Ерошенко – человек-легенда. Он был в международном братстве делегатов трёх конгрессов эсперантистов (сторонников искусственного международного языка). Прожив вдали от родины много лет, впервые стал известен в России и в мире как японский поэт. Жизнь Ерошенко – пример того, чего может добиться человек, даже с ограниченными возможностями. Всем людям доброй воли близки слова Василия Ерошенко: «Чтобы пройти по дороге жизни, нужны не большие ноги, а большое сердце, твёрдая воля, светлый ум, отважное сердце, дух – справедливый и честный, глубокое знание мира». Эта мысль претворена в жизнь в наши дни исследованиями и действиями Аркадия Липовича Шмиловича, врача московской Психоневрологической клинической больницы №1, Председателя оргкомитета Международного фестиваля «Нить Ариадны», участниками которого стали талантливые люди с ограниченными возможностями из многих стран мира.

В реальности между жизнью Василия Ерошенко и фестивалем «Нить Ариадны», отметившим в 2018-ом году своё десятилетие, прошёл один век. По словам белорусского поэта Алеся Рязанова, о котором есть очерк в книге, «век – неотъемлемая часть всего живого, но прежде всего – человека. Он проявляется – и читается – в его лице и фигуре, и если по какой-либо причине век нарушается, то калечится и человек. Век – это не то же самое, что столетие: он содержит в себе свою меру, которая измеряется не просто временем, а самой неповторимостью времени... Если горит свеча, она горит век, когда растёт дерево, оно растёт век, когда живёт человек, он живёт век, и каков бы ни был этот век – короткий или длинный, ровный или извилистый, – он всё равно велик».

«Да, век может быть разным, – пишет Наталья Ружицкая, переводчица стиха Алеся Рязанова с белорусского. – Недаром есть выражение, „сгорел, как свечка“, но всё равно это век, он измеряется не количеством времени, а концентрацией эмоций, добрых дел».

Эту мысль подтверждает жизнь героев книги. В ней неслучайно под одной обложкой встретились несхожие личности, объединённые желанием сделать мир хоть на мгновение прекрасным. У каждого из них – свой век. Они живут и руководствуются не только интересами той общности людей, в которой родились или проживают в силу своего происхождения, но и принципами общечеловеческих ценностей.

Среди них

Альберт Швейцер – немец с французскими историческими корнями, лауреат Нобелевской премии мира, которому принадлежат слова: «От того, что созревает в убеждениях отдельных людей, а тем самым и в убеждениях целых народов, зависит возможность и невозможность мира... В отношении нашего времени, это ещё более справедливо, чем применительно к прежним эпохам»;

Владимир Набоков – русско-американский писатель, родившийся в Петербурге, проживший в России первые 20 лет и написавший в эмиграции, прожив 20 лет в Германии и почти 16 в Швейцарии, основные свои произведения – из них восемь романов на русском языке.

Борис Раушенбах – немец по происхождению, известный учёный и создатель образцов космической техники, академик Российской академии наук, профессор Московского физико-технического института, действительный член Международной академии астронавтики, проживший всю жизнь в России;

Валерий Брумелль – советский многократный мировой рекордсмен с немецкими корнями, серебряный призёр Олимпийских игр в Риме в 1960-ом году, шестикратный рекордсмен мира по прыжкам в высоту в 60-ые годы 20-го века, олимпийский чемпион по лёгкой атлетике 1964-го года в Токио;

Максимилиан Волошин – поэт, художник, критик и переводчик. Его размышления о человеке и мироздании вошли в историю, в искусство перевода, в прозу, живопись, искусствоведение и философию;

Светлана Михайловна Гайер – гражданка Германии, немка с русскими и украинскими корнями, переводчик пяти романов Достоевского;

Поэты авторской песни: Новелла Матвеева, создавшая в своём воображении страну Дельфиния с островом Кенгуру; Игорь Доминич – талантливый поэт из Молдавии, рано ушедший из жизни; Александр Соломонов – бард из немецкого города Гамбург; Михаил Трегер – родом из Санкт-Петербурга;

Борис Заходер – поэт и переводчик Гёте, родившийся в южной Бессарабии (ныне Молдова), известный миллионам читателей как переводчик «Винни Пуха», «Мэри Поппинс», «Питера Пэна», «Алисы в Стране чудес» и других книг зарубежных авторов.

Обложка книги символична. У всего живого есть воля пробиться сквозь тернии. Так и человек. Он с детства стремится познать окружающий мир, а затем, преодолевая препятствия, становится упорным в достижении целей. Таковы герои книги, люди – сильные волей и духом, у которых есть чему поучиться.

Во время написания книги рядом со мной мысленно были те, кто поддерживал в творческом поиске. Я благодарна редактору и корректору книги Валентину Васильевичу Кузнецову, историку Виктору Борисовичу Кудрину, белорусской поэтессе Наталье Ружицкой, героям книги, бардам, Александру Соломонову и Михаилу Трегеру за помощь мыслью и словом.

Дорогие читатели,

в процессе чтения книги вас не оставит равнодушным мнение известных людей о путях сохранения мира на планете. Предупреждением землянам, звучат со страниц книги слова Бориса Викторовича Раушенбаха: «Я далеко не уверен, что человечество вообще сохранится ещё сто лет. Оно упрямо идёт к той грани, где возможность самоуничтожения становится реальной и вероятно даже по ошибке».

В то же время вы проникнетесь чувством гордости за героев, которые, преодолевая трудности, стремятся к достижению цели, ставят перед собой конкретные задачи и шаг за шагом достигают желаемых результатов. Так писатель Сергеев-Ценский, осознав в юности своё предназначение – художественным словом будить души людские – в течение жизни не сворачивал с этого пути. Путешествуя по России, он увидел так много, что этого хватило на многие поколения читателей, критиков и литературоведов.

Вы узнаете также, как Владимир Набоков, преодолев языковой барьер, создал новый литературный стиль, вместивший в себя лучшие традиции русской и американской литературы. Сегодня его знают и считают своим и в Америке, и в России, и в Швейцарии, и в Германии.

Уверена в том, что путешествуя вместе с героями по удивительным местам нашей планеты, вы получите наслаждение от знакомства с флорой и фауной различных континентов, и вслед за поэтом Новеллой Матвеевой откроете для себя страну Дельфинию с островом Кенгуру. Вы ощутите запах морского прибоя, свежий воздух Женевского озера. Прогуляетесь по тропам Шварцвальда.

Кроме того вы испытаете духовное удовлетворение от соприкосновения с процессом творчества в момент создания поэтических произведений, секрет успеха которых – в силе воли и крепости духа талантливых людей. Благодаря мастерству барда из Гамбурга, откроете для себя творчество Игоря Доминича, почувствуете внутреннее состояние души поэта, стихи и песни которого будут сопровождать вас ещё долго после прочтения книги.

Все замечания и пожелания прошу направлять по адресу: ikreker51@gmail.com

Ирене Крекер

Поэт незрячий, увидевший и Запад, и Восток. (О Василии Ерошенко)

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землёй на Страшный Господень суд». Эту мысль английский писатель, поэт и новеллист Редьярд Киплинг сформулировал в своей «Балладе о Востоке и Западе», напечатанной в 1890-ом году. И с тех пор человечество получило огромное количество подтверждений этого тезиса. Воистину, «тому в Истории мы тьму примеров слышим». Ну, взять хотя бы многочисленные региональные войны, национальные катастрофы, межрелигиозные конфликты, террористические акты. Не из-за того ли они, что жители западного и восточного миров имеют разные менталитеты, не понимают друг друга?

«Восток – дело тонкое», – часто слышу из средств массовой информации. Но, право, так ли сложна эта ситуация? Не сыщем ли мы в истории, в нашем недавнем прошлом примеров не только успешного взаимопроникновения различных культур, но и случаев, когда, например, житель Запада настолько постигает основы восточной культуры, что уже становится классиком этой восточной литературы?

С этим вопросом я обратилась к моему московскому другу Валентину Васильевичу Кузнецову. Он – коренной москвич, в прошлом эсперантист, инженер, преподаватель математики и переводчик. Ответ пришёл довольно быстро и застал меня врасплох. Высланная информация оказалась для меня совершенно неожиданной. Я восприняла её как привет из мира, абсолютно не известного мне, даже как учителю, много лет посвятившему изучению русской и зарубежной литературы.

«Ярчайшим примером такого удивительного явления, – пишет мне Валентин Кузнецов, – является жизнь и деятельность русского писателя, поэта, музыканта, педагога, путешественника Василия Яковлевича Ерошенко. Об этом человеке удивительной судьбы я впервые узнал в шестидесятые годы от Саши Харьковского, в то время журналиста журнала „Вокруг света“. С начала восьмидесятых годов двадцатого века он проживает в США, где известен под именем Alexander Karkovsky/ Александр Карковский. А тогда и он, и я увлекались идеей международного языка эсперанто. На встречах эсперантистов Харьковский рассказывал, что он пишет книгу „Человек, увидевший мир“ о Василии Ерошенко».

Я попросила Валентина Васильевича вспомнить детали этого разговора. Он живо откликнулся на просьбу:

«Было это давно, примерно в 1961—1964 годах, и поэтому многое забылось. Это были и не диалоги, не выступления с трибуны, а отдельные реплики с его стороны, вставки в разговор, из которых можно было предположить, что Саша работает над книгой о слепом эсперантисте Ерошенко, объехавшем мир. (Кстати, вначале на слух эту фамилию я ошибочно воспринимал как Ярошенко). Опубликована книга была только в 1978-ом году. Теперь я жалею о том, что тогда не проявил интереса к теме и активности со своей стороны, а вместо этого просто пассивно внимал, слушал. В памяти сохранились только два момента из рассказов Харьковского. Первый – это то, что Ерошенко был первым в мире, кто создал азбуку Брайля для слепых туркмен и был первым её преподавателем. А второй – это то, что русским, приезжавшим в Японию, японцы рассказывали о замечательном японском поэте по имени Еро-сан, выходец из России, а русские отвечали японцам, что не знают никакого поэта Еро-сана, выходца из России, что японцев очень удивляло».

* * *

Слепой русский, ставший японским поэтом, о творчестве которого долгое время неизвестно на Родине? Возможно ли такое вообще?

Читая и перечитывая статьи А. Харьковского, В. Першина, Ю. Платань, Э. Пашнева, В. Шеховцова, Ирины Морозовой о судьбе Василия Яковлевича Ерошенко, я проникаюсь всё более возрастающим интересом к его творчеству. Заинтриговало то, что он известен на Востоке под различными именами. В Японии его называют Эро-сан, в Китае – Айлюсянькэ или «господин Айло», в Бирме слепые дети обращались к нему «кокоджи» – «старший брат», а изумлённые чукчи прозвали его «какомэй» – «чудо». Сам же поэт Ерошенко называл себя Человеком мира.

Да, бывает и такое, что поездки, путешествия, изучение историй жизни народов, их менталитета, чтение книг, разговоры с друзьями приводят к встречам с судьбами необыкновенных людей, жизнь которых называют легендой. Их мужество, целеустремлённость, упорство в достижении поставленных целей, сила воли и знания заставляют задуматься о своём предназначении, поставить перед собой вопрос: «Зачем ты пришёл в этот мир?»

Читаю, размышляю, сверяю свои мысли с мыслями авторов. Пытаюсь проникнуть в сокровенные уголки души этого необычного человека, родившегося в 1890-ом году.

В возрасте четырёх лет Василий Ерошенко потерял зрение. Он провалился в чёрную пустоту и помнил из реальности только четыре вещи: небо, голубей, церковь, на которой они жили, и лицо матери. Не слишком много. Но и это всегда вдохновляло и вдохновляет меня на поиски чистых, как небо, мыслей и всегда помнить о Родине, как о лице своей матери, в какой бы уголок земли ни бросила меня судьба». Это он скажет одному из потерявших зрение и отчаявшемуся человеку, как давно продуманное и принятое, как неизбежность.

Когда же это началось? В какой момент подросток понял, что нельзя оставаться инвалидом и выбрал для себя путь художника слова? – этот вопрос не оставляет меня в покое в процессе изучения судьбы Василия Ерошенко. Ответ на него интересует меня не только как педагога-психолога, но и как переселенца из России в Германию, автора, пишущего произведения на русском языке.

Родители Василия рано обнаружили у сына музыкальный слух и начали обучать его музыке. С девяти лет, благодаря стараниям помещика, графа Орлова-Давыдова, Василий принят в число учеников школы-приюта Общества призрения, воспитания и обучения слепых детей в Москве. Там он изучает грамоту для незрячих и, благодаря интересу к чтению, познаёт мир, выходящий за пределы приюта. Он не может не делиться знаниями со своими друзьями. Читая пальцами, рассказывает малышам приюта о других мирах, открывая в себе артистическую натуру. И когда все книги в приюте прочитаны, палец застывает на одной строке, и он продолжает чтение. Малыши, затаив дыхание, внемлют ему. Этих мгновений, когда муза спускается к нему, он впоследствии забыть не может.

Музыка души определяет его дальнейший жизненный настрой. Проучившись десять лет в школе для незрячих, получив кое-какие практические навыки, он мог бы по окончании школы плести корзины или вступить в артель слепых и переплетать, клеить книги, таким образом зарабатывать себе на жизнь. Но юноша уже тогда понимает, что у него только два пути: жить в чёрной пустоте, используя приобретённые навыки, или – в мире музыки и звуков, путешествуя, узнавая мир и описывая его в книгах, при этом испытывая радость творческих мгновений. Он выбирает второе.

В то время его видят часто в различных районах столицы с шестиструнной гитарой за плечами. Высокий, в белой рубашке, подпоясанный широким ремнём, пряжка которого едва помещается в руке, он выделяется в толпе.

Музыкальный талант Василия замечен, и вот он уже выступает в оркестре для слепых в московском ресторане «Якорь». Находясь три года среди публики, которая в ответ на его выступления не одаривает даже аплодисментами, хорошо понимая, что не здесь его место, юноша начинает готовиться к путешествию на Кавказ.

Подробнее об этой поездке мне узнать не удаётся, известно лишь, что он берёт с собой учебник языка эсперанто. Теперь уже совершенно осознанно Василий Ерошенко выбирает мир путешествий и музыки. И всегда рядом с ним находятся люди, которые поддерживают его словом и действием.

* * *

Кто же эти люди, проживавшие на Западе и Востоке земного шара, которые помогали незрячему музыканту-сказочнику в осуществлении его грандиозных планов? Как ему удалось – познать и ощутить мир звуков и музыку многих стран? Какие силы вмещались в процесс постижения им важнейших истин?

Понимаю, что прежде всего Василий Яковлевич Ерошенко был сам удивительной личностью. Его желание – полнокровно жить – стало животворной энергией этого процесса. Практическую помощь юноше оказывала его принадлежность к Международному обществу эсперантистов, круг друзей которого расширялся с неожиданной быстротой. О незрячем поэте со временем уже не надо было рассказывать, он сам появлялся там, где хотел и где был нужен, осознавая свою миссию в оказании помощи таким же, как он, незрячим, в познании окружающего мира.

Валентин Васильевич Кузнецов пишет мне: «Как бывший эсперантист я подтверждаю, что в эсперанто-движении сильна идея, что зелёная пятиконечная звезда (символ эсперанто-движения) гарантирует свободу перемещения по миру и проживания, поэтому некоторые действительно отправляются в такие путешествия, аналогичные путешествиям по системе автостоп. Думаю, что именно с этой идеей и отправился Ерошенко по миру».

В мои отроческие годы я слышала о международном языке эсперанто, но, к сожалению, не отдалась движению его волны. Только сейчас начинаю понимать, что, если бы я пошла этим путём, моя жизнь могла сложиться совсем по-другому. Лучше или хуже? Это другой вопрос, но, была бы возможность – увидеть мир, познакомиться с интереснейшими людьми из разных стран. Ведь эсперанто-ассоциации находятся и в Англии, и во Франции, и в Бельгии, и в Германии... И не только там!

У Василия Ерошенко, в этом я уже не сомневаюсь, был «ангел-хранитель», поводырь с различными именами, ведущий его по жизни. Сначала эту роль выполняла Анна Николаевна Шарапова (1863—1923) – преподаватель английского и эсперанто, русская переводчица. Она была национальным секретарем для России в Международном Союзе эсперантистов-вегетарианцев, первым почётным президентом которого был избран Лев Николаевич Толстой. В годы первой мировой войны жила в Швейцарии. А после возвращения оттуда внесла вклад в восстановление международных связей российских эсперантистов.

Именно от Анны Шараповой Василий Ерошенко «заболел на всю жизнь», «заразился» языком эсперанто. От неё узнал, что в предместье Лондона – Норвуде существует Королевский колледж и Академия музыки для незрячих. Анна Шарапова подготовила его поездку в Англию. Известно, что о его приезде сначала оповестили общественность печатные издания «Слепец» и «Вокруг света», опубликовав заметку «Путешествие русского слепца в Лондон», а несколько позже в Лондоне был опубликован и очерк самого Ерошенко «Моё первое заграничное путешествие».

В то время он ещё был молод, и эсперантисты, через города которых проходил его маршрут, оказывали ему на протяжении всего пути практическую помощь. Для того чтобы его найти в толпе встречающих и провожающих, на одежду Ерошенко был прикреплён значок в виде зелёной пятиконечной звезды – символа эсперантистов.

В Лондоне его встретили супруги Блейз. Они поселили его в своем пансионате и для обучения английскому языку нашли учителя, знающего азбуку Брайля. Два месяца он проводит вольнослушателем в королевском колледже для слепых в Норвуде, затем возвращается в Лондон.

В английской столице Василий Ерошенко изучает классическую музыку, посещает музеи, библиотеки, углубляет знания по вопросам истории и культуры страны. Здесь у молодого Ерошенко произошло знакомство с господином Кропоткиным, основателем и теоретиком русского анархизма. Неизвестно, насколько идеи анархизма затронули ум и сознание Василия Ерошенко, но, когда он после недолгого посещения Франции, где изучает французский язык и слушает лекции в Сорбонском университете, возвращается в Англию, его выселяют из страны за связь с эмигрантами-марксистами.

С этого момента взгляды его обращены на Восток. В двадцать четыре года он едет в Японию, учится там в Токийской школе слепых. Московские эсперантисты помогают ему материально, дают и рекомендательное письмо к профессору Токийского университета Накамура Сигео.

В Японии среди его знакомых не только журналисты, писатели, драматурги, но и революционеры. Его другом и правой рукой становится японский драматург Акита Удзюку. Ему принадлежат слова: «Ерошенко – первый русский, покоровший сердца японцев». Не без помощи новых друзей в японских газетах и одном из молодых журналов появляются первые очерки и сказки Василия Ерошенко на японском языке, среди них «Рассказ бумажного фонарика» и философская притча «Дождь идёт».

Страсть к странствиям ведёт его дальше. Узнав о том, что в Юго-Восточной Азии нет школ для слепых, он принимает решение уехать в Сиам (Таиланд). Идея создания школы движет мыслью писателя. Приехав в столицу страны Бангкок, он первым делом занимается организацией учёбы для незрячих. Поставленная задача оказывается неразрешимой, так как для этого нужны значительные материальные вложения. Одного желания оказалось мало.

Долго оставаться в Сиаме Василий Ерошенко не может из-за ограничения деятельности иностранцев. Тогда он принимает решение – переехать в Бирму. Она видится ему страной «рубинов и сапфиров, кокосовых пальм и тамаринд, папай и бананов, манго и ананасов», где «круглый год цветут пахучие цветы и звенят миллионами серебряных колокольчиков бесчисленные пагоды».

В Моуллмейне ему предлагают заведовать школой для слепых детей. Он соглашается. С этой целью изучает разговорный бирманский язык, сложный для европейцев, а также погружается в изучение фольклора и народных сказаний. В одном из писем того времени Василий Ерошенко пишет: «Сейчас я изучаю воистину прекрасные буддийские легенды – это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрылся совершенно новый, доселе неведомый мне мир». Там, в Бирме, его настигает весть о революции в России.

Василий Ерошенко принимает решение вернуться на родину, но не получает от властей разрешение на въезд в советскую Россию. В то время он не только изучает культуру и традиции страны, записывает свои впечатления, но и принимает участие в работе литературного общества «Свитязь», посещает собрания Социалистической лиги, участвует вместе с друзьями социалистами в первомайской демонстрации, в работе съезда Социалистической лиги. Тогда он принимает решение попасть в Россию через Индию, Афганистан и Среднюю Азию.

Из статьи Ирины Морозовой узнаю, что «в Калькутте, его, по распоряжению английских властей, арестовывают как большевистского агента и помещают на судно, идущее во Владивосток, который в то время находился в руках белого генерала Каппеля. Василию удаётся сбегать с парохода во время швартовки в Шанхае (Китай) ... Из Шанхая Ерошенко переезжает в Японию, но и японские власти отдают распоряжение о его депортации из страны. Доставленный во Владивосток, Ерошенко стремился как можно скорее перебраться в европейскую часть России. Но дальше пути не было. В районе станции Евгеньевка проходили передовые позиции отрядов Семёнова и Каппеля. За ними начиналась нейтральная полоса, где орудовали банды, нападавшие и на белых, и на красных. Тогда Ерошенко принял решение: уйти в Китай. Пересёк границу и по шпалам пошёл в Харбин, в который пришёл в июле 1921 года».

В эссе «Одна страничка из моей школьной жизни», написанном на языке эсперанто, Василий Ерошенко описывает визит в школу китайского дипломата Ли Хун-Чжана. Это эссе до сих пор рассматривают как модель отношений России и Востока в годы русских революций. Может, именно с этой школьной встречи с представителем Китая и зародилась у Ерошенко мечта совершить путешествие в Китай, незнакомую страну, притягивающую взоры многих?

Мечта, наконец-то, сбылась, но к тому времени путешественник уже устал душой от несостоявшихся планов. Ему одиноко в потоке незнакомых людей. Когда-то он не захотел остаться на родине, чтобы бессмысленно коротать свой век, но теперь он понимает, что и на Востоке не так легко достичь желаемых целей.

Вероятно, именно в этот период он создаёт книгу «Стон одинокой души», позже опубликованную в Китае. В ней есть строки:

Рассказывают, что его услышал писатель и поэт, классик китайской литературы, Лу Синь и пригласил к себе домой в Пекин, став другом и братом. В это сейчас трудно поверить, но судьба свела двух талантливых людей в нужном месте и в нужный час. Позже поэт Василий Ерошенко станет героем его новеллы «Утиная комедия».

Писатель Лу Синь напишет о нём: «Жизнь человека, как падающая звезда, – сверкнёт, промчится, оставляя недолгий след... Ерошенко промелькнул, как звезда, и, может быть, я скоро забыл бы о нём, но сегодня мне попала его книга „Песнь предутренней зари“, и мне захотелось раскрыть душу этого человека перед читателем». Лу Синь – переводчик с эсперанто на китайский язык сборника произведений слепого писателя и поэта «Стон одинокой души» и «Сказки».

А в 1924-ом году, получив мандат Пекинской эсперанто Лиги, Василий Ерошенко уже участвует в XV Универсальном конгрессе эсперантистов в Германии, в городе Нюрнберг. Затем несколько месяцев проживает в Лейпциге. В Лейпцигском городском музее имеется портрет Василия Ерошенко работы художника Р. Рудольфа.

Рассматриваю портрет. На нём изображён молодой человек, напоминающий русских богатырей из баллад. Лицо – круглое, волосы – русые, кудрявые. Голова слегка опущена. Глаза прикрыты. Что знаю я об этом юноше сейчас? Что он – незрячий поэт, что одарён музыкально, что изучил язык эсперанто, что кроме него владеет ещё одиннадцатью языками и среди них русский, английский, японский, французский, немецкий, бирманский и язык таи, что он пишет и публикует стихи, сказки, статьи и другие произведения на японском и эсперанто, что он изгнан из Англии, Японии и некоторых других стран за предполагаемую связь с русскими марксистами.

А ещё я знаю, что поэт, писатель, педагог и путешественник Василий Ерошенко, побывав в Англии, Франции, Японии, Таиланде, Бирме, Китае, Германии и в других странах, вернулся в Москву только в 1924-ом году членом Международного братства делегатов трёх конгрессов эсперантистов, основанного варшавским врачом Заменгофом. К этому времени он уже известен как японский поэт, о котором слагаются на Востоке легенды.

* * *

Недавно я узнала о существовании виртуальной конференции «Василий Ерошенко и его время». На одной из них удалось незримо присутствовать. Её участники анализировали стихотворение Ерошенко «*Homarano/ Хомарано*». Наряду с разговором об идейно-художественных особенностях произведения, речь зашла и о названии. Была высказана мысль, что слово «*Homarano*» парадоксально по своей структуре: «*Номо* = человек; *хомар'* = совокупность людей (человечество). Но автор добавляет еще один суффикс „*ан*“ – *хомаран'*, чем едва ли не возвращает слову его первоначальное значение („часть чего-либо“) – в данном случае часть человечества».

Как преподаватель русской литературы я согласилась и с участниками виртуальной конференции по вопросу близости этого произведения тематике революционно-романтических

произведений А. М. Горького «Песне о Соколе», «Песне о Буревестнике» и легенде о Данко из рассказа «Старуха Изергиль». А самого Василия Ерошенко отношу к романтикам, отдавшим пламенное сердце людям.

В процессе изучения жизненного и творческого пути Василия Ерошенко меня заинтересовала дискуссия, проходившая в мае 1916 года в Токийском университете между слепым писателем Василием Ерошенко и известным в широких литературных кругах Рабиндранатом Тагором, индийским писателем. По словам журналиста и переводчика В. Рогова, слепой писатель «оспаривал основное положение Тагора о том, что западная цивилизация – материальная, а культура Индии – чисто духовная»:

«– Мне показалось, что вы, опираясь на буддизм и христианство, противопоставляете культуры Европы и Азии. Совсем как Р. Киплинг, который писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Так вот: с этим я согласиться не могу. У наших культур много общего, и если мы друг друга не всегда понимаем, то это из-за незнания языков. И ещё из-за националистов, которые натравливают один народ на другой.

– А чем Вы можете это аргументировать? – спросил Тагор.

Ерошенко минут десять говорил о растущей интернациональной общности людей, о родстве литератур Японии и России, о взаимовлиянии фольклора стран Запада и Востока.

– Расскажите о себе, кто вы такой, – попросил в конце беседы индийский писатель.

– Приехал я из России два года назад, сказки свои пишу по-японски, и товарищи называют меня японским поэтом, – закончил Ерошенко под аплодисменты зала».

Спор с самим Тагором, приглашённым в университет для чтения лекций, принёс слепому писателю-эсперантисту широкую популярность. Это произошло, вероятно, и потому, что на лекциях Р. Тагора присутствовали всегда кроме студентов священнослужители различных вероисповеданий – буддисты, синтоисты, христиане и другие заинтересованные лица.

Изучая творчество поэта и писателя, путешествуя с ним незримо по странам Запада и Востока, я в какой-то момент поняла, что главное в жизни этого многогранно талантливого человека не то, что он всю жизнь прожил вдали от Родины в поисках необычных запахов и звуков, новых впечатлений, а в том, что он всю жизнь вёл нескончаемую просветительскую работу и не от случая к случаю, а постоянно. Где бы он ни был, куда бы ни заносила его судьба, вектор его деятельности был всегда направлен на оказание помощи слепым, таким же, как он, но находящимся в более тяжёлых условиях. Он перед каждой своей поездкой ставил перед собой конкретные цели в этом направлении и прилагал все усилия к их осуществлению.

С такой целью он отправляется и на Чукотку на пароходе в 1929 году. Там он пробыл около года. Вернувшись с севера, жил в Москве, но и здесь не даёт себе ни минуты покоя: работает преподавателем в школе для слепых, пишет книги. А осенью 1934 года, когда Наркомпрос Туркмении приглашает его создать в республике специальную школу-интернат для незрячих в старинной крепости Кушка, он, ни на минуту не задумываясь, принимает это предложение.

В Туркмении Ерошенко живёт одиннадцать лет, обучая незрячих детей видеть мир. Для них он создаёт рельефно-точечный алфавит на туркменском языке и разрабатывает систему образования и воспитания незрячих. Многие из его учеников станут впоследствии педагогами, писателями, драматургами, но прежде всего добрыми людьми, его последователями. Отсюда, из Кушки, он обращается с письмом к Сталину в защиту международного языка эсперанто и эсперантистского движения в целом. Он идёт на этот шаг сознательно, зная, что «Союз эсперантистов советских республик» был перед войной разгромлен. Тогда, в одну из ночей, многие эсперантисты были арестованы и голословно обвинены в пособничестве империализму и в антисоветской деятельности.

Когда Василий Ерошенко возвращается из Туркмении в Москву, у него ещё много планов. Несколько лет он преподаёт английский язык в Московской школе слепых. Затем уезжает на родину. Он любит повторять слова: «Дорога – это жизнь». Ещё мечтает дойти с собакой

от Обуховки до Владивостока, но это путешествие ему совершить не удаётся. Зато он едет в Якутию: «послушать, как шумит ночами тайга и услышать голоса зверей». Из Якутии возвращается в дорогу сердцу Обуховку. Теперь уже навсегда.

Умер Василий Ерошенко в 1952-ом году на родине в безвестности и нищете от рака желудка. Завещанием звучат его строки:

В трёх словах – вся его жизнь, наполненная горестями и радостями, надеждами и их осуществлением, разочарованиями и достижениями.

Только в 1958-ом году журнал «Знамя» опубликует его настоящую фамилию, имя и отчество. К этому времени оно стало уже легендой в Японии и Китае. А через десять лет после смерти Василия Ерошенко и на его родине, в Белгороде, будет опубликована первая его книга «Сердце орла». Значительно позже появятся цветы на могиле и придёт известность, которую он заслужил.

Благодаря вездесущему интернету, открываю двери в Литературно-мемориальный музей Василия Ерошенко у него на родине в селе Обуховка Ставропольского городского округа Курского края.

Земляки здесь хранят память о нём, гордятся и передают цепочку памяти своим детям и внукам. Так к 100-летию со дня рождения поэта и писателя в газете «Оскольский край» появляется рубрика о поэте, а в учебных заведениях родного ему края проводятся тематические классные часы, организуются экскурсии в Доме писателя. К 120-летию со дня рождения на территории Дома-музея установлен бюст Василия Ерошенко – работа художника-скульптора В. Н. Колесникова из Старого Оскола.

О писателе созданы фильмы «Василий Ерошенко. Дорога к солнцу» и «Зелёная звезда Василия Ерошенко». Наследие его – это и сказки, и стихи, и статьи о языке, и размышления о положении слепых. Оно сейчас доступно для всех. Его произведения можно найти на сайте Белгородской библиотеки для слепых, которая носит имя писателя.

Жизнь Ерошенко – это пример того, чего можно достичь, даже если имеешь ограниченные возможности. Необходимо только очень захотеть и поставить перед собой близкие и дальние цели. И если даже незрячий человек смог добиться таких жизненных результатов, то возможности человека безграничны.

Слова Василия Ерошенко: «Чтобы пройти по дороге жизни, нужны не большие ноги, а большое сердце; для того, чтобы сражаться в битве жизни, нужны не лапы тигра, не копыта жеребцов, но твёрдая воля, светлый ум, отважное сердце, дух справедливый и честный, глубокое знание мира» («Девушка с маленькими ножками»), – помогут каждому достойно пройти путь, длиною в жизнь.

«Устал я, и скоро в печальную землю
Уйду я на этом нерусском кладбище
И всё-таки сердцем недремлющем внемлю
Я брату родному, что сам меня ищет».

«Когда умру,
Пусть на могиле
Напишут всего три слова —

«Жил, путешествовал, писал».

«Цветная спираль в стеклянном шарике». (О Владимире Набокове)

«– Вы как, любите Россию?»

– Очень.

– То-то же. Россию надо любить. Без нашей эмигрантской любви России – крышка».

(В. В. Набоков. «Машенька»)

Никогда не думала, что Женевское озеро в Швейцарии такое красивое и безбрежное. Экскурсовод рассказывает о городах Веве и Монтрё, а мы идём по цветущей набережной, фотографируемся у памятников известным людям, посещавшим эти места: Чарли Чаплину, Николаю Гоголю, Михею Эминеску, Элле Фицджеральд, Фредди Меркьюри...

На фото: памятник Владимиру Набокову. Швейцария. Женевское озеро

Замираю перед памятником Владимиру Набокову. Знаю, что писатель прожил с семьёй в Монтрё последние 15 лет, но встреча с ним сегодня на этой солнечной набережной оказалась для меня неожиданностью. Узнаю, что именно здесь он напишет известные романы «Бледное пламя» и «Ада, или Радости страсти».

Думаю о жизни писателя, до последних дней считавшего себя русским, и вдруг остро, до боли в сердце, осознаю, что с его судьбы, на каком-то отрезке времени, списана и моя. И как будто слышу его голос, спокойный, но необычно грустно звучащий: «Тоска по родине. Она впиалась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать её можно только с жизнью».

«И „что делать“ теперь? – это уже набоковский лирический герой книги „Дар“ направляет вопрос к моему разуму и сердцу. – Не следует ли раз и навсегда отказаться от всякой тоски по родине, от всякой родины, кроме той, которая со мной, во мне, пристала как серебро морского песка к коже подошв, живёт в глазах, в крови, придаёт глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды? Когда-нибудь, оторвавшись от писания, я посмотрю в окно и увижу русскую осень».

О произведениях Владимира Набокова говорят уже несколько десятилетий, но многие мои соотечественники по России, да и Германии лишь понаслышке знакомы с содержанием его романов, а о том, что писателя четырежды представляли к Нобелевской премии, узнают сегодня впервые.

Экскурсовод произносит слова писателя: «Моя личная трагедия, которая не может, которая не должна быть чьей-либо ещё заботой, состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык ради второсортного английского». Слушаю и думаю о своей трагедии, которая заключается в том, что, прожив за границей четверть века, осталась как автор верна русскому языку, но от этого счастливее не стала. Жестокая правда жизни Набокова в том, что, прожив вдали от родины почти шесть десятилетий, он испытывал чувство ностальгии. Человек – живой организм. Ему нужно приспосабливаться к культуре, образу жизни местного населения, традициям, обычаям, языку. Набоков хорошо владел французским и английским, но несмотря на это он испытывал постоянное неудовлетворение от того, что вынужден писать не на родном русском языке.

Можно ли Владимира Набокова считать русским писателем? Да, он – русский по рождению в Петербурге. Первые почти 20 лет прожил в России. Там издаёт первые стихи. В эмиграции им написано восемь романов на русском языке. Если его не считать русским, то тогда каким – русско-американским? Ну, а как в таком случае быть с двадцатью годами жизни в Германии, ещё почти шестнадцатью – в Швейцарии? Читаю в его автобиографической повести «Другие берега»: «Человек всегда чувствует себя дома в своём прошлом, чем отчасти и объ-

ясняется как бы посмертная любовь этих бедных созданий к далёкой и, между нами говоря, довольно странной стране, которой они по-настоящему не знали и в которой никакого счастья не нашли».

Испытав в первые годы эмиграции такие потрясения как смерть горячо любимого отца, полуголодное проживание в Берлине, он научился принимать действительность такой, какая она есть, но при этом нашёл для себя путь спасения, уйдя в мир, созданный воображением. Его родственник, барон Э. А. Фальц-Фейн, эмигрировавший в пятилетнем возрасте с семьёй в 1918-ом году, напишет позже в своих воспоминаниях о том, что лишь горстка эмигрантов смогла ассимилироваться в чужой стране по причине знания языка. Так, его, барона Лихтенштейна, «французский язык был лучше, чем у самих французов, как английский у Набокова, на котором он написал свою „Лолиту“ после неудачных попыток заработать на жизнь в русских эмигрантских изданиях».

Подводя итог очередного периода жизни, Владимир Набоков скажет: «Я горжусь тем, что никогда не стремился к признанию в обществе. Я никогда в жизни не напивался. Никогда не употреблял мальчишеских слов из трёх букв. Никогда не работал в конторе или угольной шахте... Ни одно учение или направление никогда не оказывали на меня ни малейшего влияния. Ничто не утомляет меня больше, чем политические романы и литература социальной направленности». Набоков – прекрасный семьянин, идеал для сына Дмитрия, родившегося в 1934-ом году в Берлине. Сын стал его надеждой, переводчиком и наследником. Жена Вера Слоним – любимая женщина, посвятившая ему жизнь. Единение душ, мыслей, интересов – счастье и опора, которыми одарили писателя небеса. Может, потому и выжил на чужбине...

Набоков – человек, добившийся всего своим трудом, и в то же время – загадка, тайна, ключ от которой он унёс с собой. Герои его книг – вымышлены. По словам писателя, он никогда не знал двенадцатилетнюю девочку Лолиту, героиню широко известного романа «Лолита». «Писатель должен оставаться за пределами создаваемой им условности: не вне собственного творчества, но вне жизни, в ловушки которой он не должен попадаться. Короче говоря, он словно Бог, который везде и нигде. Это формулировка Флобера. Я особенно люблю Флобера...». «Я люблю шахматы, однако обман в шахматах, так же, как и в искусстве, лишь часть игры; это часть комбинации, часть восхитительных возможностей, иллюзий, мысленных перспектив, возможно, перспектив ложных. Мне кажется, что хорошая комбинация должна содержать некий элемент обмана». Факты биографии писателя помогают понять, что в отношении своих персонажей он – сторонний холодный наблюдатель-критик, оценивающий свою жизнь с точки зрения пережитого. Известны его слова о себе: «Цветная спираль в стеклянном шарике – вот модель моей жизни».

Талантливый человек всегда талантлив. Несмотря на сложившуюся жизненную ситуацию Владимир Набоков вышел из неё победителем. Он преодолел языковой барьер и создал новый литературный стиль, вместивший в себя лучшие традиции русской и американской литературы. И сегодня Владимира Набокова знают и считают своим и в Америке, и в России, и в Швейцарии, и в Германии.

Мир Альберта Швейцера

Мир на всей планете – это мечта каждого человека, имеющего любящее сердце и незамутнённый разум. Но в последние годы наша прекрасная планета, как никогда, сотрясается от многочисленных региональных войн, межрелигиозных конфликтов и террористических актов. Уже страшно слушать новости по радио, читать газеты, смотреть телевизионные передачи. Дожив до зрелого возраста, я до сих пор не могу ответить себе на вопросы: кому нужны войны? Что является основной причиной этого страшного злодеяния, уносящего тысячи людских жизней?

Чем старше становишься, тем больше понимаешь, что войны – закономерный процесс развития каждой цивилизации, но не можешь и не хочешь с этим смириться. Но есть на свете люди, которые не просто наблюдают за ходом событий, а посвящают жизнь борьбе за мир. Они являются примером для нас, и человечество не перестаёт ими гордиться. Об одном из таких учёных, философе, теологе, враче-миссионере Альберте Швейцере/ Albert Schweitzer, я узнала совсем недавно, когда в прошлом году посетила клинику его имени в местечке Кёнигсфельд, расположенном в Шварцвальде, на юге Германии.

Об Альберте Швейцере, Нобелевском лауреате, рассказывают здесь легенды. Первое, что узнаю, – учёным гордятся жители сразу двух государств – Франции и Германии. Разгадка этого факта оказалась простой. Альберт Швейцер родился в семье небогатого протестантского пастора Луи Швейцера в небольшом городе Кайзерсберг в Верхнем Эльзасе, который принадлежал в то время Германии, ныне – эта территория Франции. Но вот, за что ему присуждена Нобелевская премия? На этот вопрос сразу ответа не нахожу. Отдыхающие в клинике тоже понятия об этом не имеют. Когда обращаюсь к ним с этим вопросом, они задумываются на мгновение: одни из них пожимают плечами, другие – воздевают глаза к небу, третьи – пытаются отыскать ответ в интернете, но прямого ответа в первые дни проживания в Кёнигсфельде я так и не получила.

В один из вечеров в помещении клиники Альберта Швейцера состоялась демонстрация документального фильма о его судьбе. По выражению лиц зрителей поняла, что интерес к личности Швейцера у всех неподдельный. Показу фильма предшествовал разговор с директором музея Альберта Швейцера, расположенного также в местечке Кёнигсфельд. После просмотра фильма состоялось его обсуждение. Меня объединяло с присутствующими в зале желание узнать из достоверных источников: в какое время семья доктора Швейцера проживала в местечке Кёнигсфельд? Почему он стал миссионером? Когда и за что ему была присуждена Нобелевская премия?

Надо сказать, что с первых же дней проживания в клинике я прониклась к Альберту Швейцеру глубоким уважением. Ещё бы! Казалось, его дух витает в этих стенах. Учёный будто наблюдает за происходящим с портретов, установленных повсюду, а в момент обсуждения фильма внимательно прислушивается к словам говорящих.

Впечатляет то, что фильм о себе Альберт Швейцер создал сам. Он является его редактором, режиссёром, сам читает в фильме авторский текст, знакомит нас с условиями своего труда, с буднями врача на африканском континенте в совершенно диких и необжитых местах.

Для меня уже нет сомнения в том, что учёный посвятил свою жизнь науке и служению людям, которые, родившись и проживая в Ламбарене, умирали от болезней, не имея возможности лечиться. Он предоставил им эту возможность. После просмотра киноленты, я наконец-то поняла, что Альберту Швейцеру в 1952-ом году присуждена Нобелевская премия не за открытие в области науки, а Нобелевская премия мира как врачу-миссионеру, прожившему и работавшему в общей сложности полвека в Африке, в местечке Ламбарене (провинция Габон

Французской Экваториальной Африки), то есть он награждён не как учёный, а как гуманист. Любовь к людям – основная черта его характера. Он не может жить, не помогая им.

Весть о присуждении премии долетела до него в Ламбарене. Сразу не смог оставить работу, приехать на церемонию вручения. Нобелевскую премию мира принял за него посол из Франции в Норвегии. И только в 1954-ом году учёный приехал в город Осло для её получения. Он выступил там перед присутствующими с лекцией «Проблемы мира в современном мире». Знаменательно то, что на средства Нобелевской премии мира, полученной учёным, в Ламбарене построены больничные помещения для прокажённых. В 1957-ом году фильм Швейцера получил премию Оскара. С того момента о враче-миссионере заговорил весь мир. А в Америке его даже называли святым.

Мне не терпится узнать, что же оказало влияние на формирование его характера? Почему так необычно сложилась его судьба?

Узнаю, что предки Альберта Швейцера со стороны отца и матери были пасторами и органистами. Его детские годы прошли в деревушке Гюнсбах. Реальную школу он закончил в Мюнстере. Мальчик от рождения был музыкально одарён и часами находился на природе, вслушиваясь и всматриваясь в окружающий его мир. Однажды, находясь в компании мальчишек, он взял в руки рогатку, и в тот момент, когда, по их примеру, хотел выстрелить в птицу, вдруг неожиданно для него громко зазвонили колокола. Он бросился прочь от этого места и поклялся, что никогда в жизни не будет убивать. Клятву сдержал. Но чувство стыда за то, что он мог убить живое, мучило его всю жизнь.

Любимыми предметами в гимназии Мюльхаузена стали для него история и география. Юноша на себе испытал несправедливость окружающего мира, наверное, поэтому в нём рано проснулось чувство долга и ответственности перед людьми. Сам он рассказывает об этом так: «Однажды солнечным летним утром я проснулся в Гюнсбахе во время каникул на Троицын день. Мне в голову пришла мысль, что я не смею рассматривать это счастье как само собой разумеющееся, а должен за него чем-то заплатить». Считая себя в долгу перед миром, он решил заниматься наукой и искусством – до тридцати лет, а затем посвятить себя «непосредственно служению человечеству». И эту клятву сдержал. Восемнадцатилетним поступил в Страсбургский университет, где изучал философию, теологию, музыковедение. По окончании университета отказался от места доцента по предмету философии в Страсбургском университете и стал викарием, помощником пастора церкви Святого Николая.

Жизнь Альберта Швейцера интересна и многогранна. Он знал интересных людей эпохи: писателя – Романа Роллана, Стефана Цвейга, музыканта, писателя и педагога Шарля-Мари Видора, глубоко исследовал творчество Иоганна Себастьяна Баха, получил признание и как органист. Но всё это – не вызвало в нём тщеславия. Он готовил себя к служению человечеству другим путём.

В какой-то момент учёный пришёл к выводу, что чтобы стать личностью свободной от мира, навязывающего свои решения, ему нужно стать врачом. В течение семи лет он готовился к поездке в Африку, изучал медицину и стал врачом-миссионером в Ламбарене. Позже Швейцер напишет об этом так: «Отныне мне предстояло не говорить о евангелии любви – но претворять его в жизнь». Впоследствии к 80-летнему юбилею Швейцера Альберт Эйнштейн скажет о нём: «Мне кажется, что его работа в Ламбарене в значительной степени была плодом протеста против наших морально окостеневших и бездушных границ цивилизации».

Врач-миссионер Альберт Швейцер в своих исканиях – не одинок. Его идея поддержана девушкой по имени Хелене. Она, оставив профессию воспитателя и изучив работу по уходу за больными, становится ему верным помощником и другом в Африке, на территории бывшей французской колонии Ламбарене. Позже они поженятся. Но любимая женщина, заболев туберкулёзом, не сможет продолжить начатое с ним дело. И тогда, ещё в 1923-ем году, для неё

и дочери доктор Швейцер построил дом в Кёнигсфельде, в помещении которого в настоящее время находится Дом-музей Альберта Швейцера.

* * *

После просмотра фильма Альберта Швейцера я провела бессонную ночь, находясь в одноместном номере клиники его имени в Кёнигсфельде. Мысли об увиденном и услышанном разбередили душу. Не в силах дожидаться утра, чтобы продолжить знакомство с незаурядным, необычайно одарённым человеком, я включила компьютер и отыскивала текст нобелевской лекции Швейцера «Проблемы мира в современном мире».

Мне сейчас и самой не верится, что, находясь посреди Европы, я ночью изучала статью Альберта Швейцера о мире, пытаюсь в ней отыскать ответы на мои бесконечные вопросы: кто виноват в том, что люди земного шара не могут спать спокойно? Кто в ответе за то, что зло правит миром?

Мне тогда захотелось срочно узнать, смог ли философ, теолог, маститый учёный-практик, постичь истину, дать совет людям, как добиться согласия между странами, как избавиться от междоусобных региональных войн, как спасти планету от катастрофы? Я искала в его мыслях истину, ответ на свой главный вопрос: что поможет спасти жизнь на планете от исчезновения? И, кажется, я его нашла. Перечитав несколько раз лекцию, я поняла, что близка к пониманию точки зрения Швейцера, заключающуюся в том, что разрешить проблему мира в современном обществе можно, только основываясь на принципах доверия и взаимопонимания между отдельными личностями и народами.

Начав лекцию с характеристики современного ему мира, его состояния после двух последних мировых войн, Швейцер уводит нас в далёкое прошлое и доступно, простым языком раскрывает исторические корни проблемы мира на земле. Кроме того, он отмечает, что государственные деятели, подводя итоги войн, в ходе переговоров не руководствовались стремлениями к созданию условий мирного содружества государств для будущего процветания, а констатировали факты победы в войнах, отстаивая права народов-победителей. Результатом явился разгул национализма в современном обществе. В нём Швейцер видит главное препятствие для пробивающего себе дорогу взаимопонимания между народами. Выход из создавшегося положения он находит в этике «благоговения людей перед жизнью». «От того, что созревает в убеждениях отдельных людей, а тем самым и в убеждениях целых народов, зависит возможность и невозможность мира... В отношении нашего времени, это ещё более справедливо, чем применительно к прежним эпохам». А затем Швейцер произносит фразу, с которой невозможно не согласиться: «Лишь в той мере, в какой дух будет пробуждать в народах убеждение в необходимости мира, созданные для утверждения мира организации, смогут делать то, что от них ожидается».

В эту бессонную ночь я подумала: «С тех пор, как написана статья, прошло более шестидесяти лет. Но слышали ли слова учёного люди моего поколения в других странах и те, кто пришли за поколением отцов и дедов? Какие выводы сделали для себя они – те, в чьих руках находится сегодня будущее планеты?»

* * *

Из местечка Кёнигсфельд я уезжала на рассвете – просветлённая. Мне казалось, что я нашла точку отсчёта своей дальнейшей жизни, определила направление дальнейшего пути. Мне вспоминались слова доктора Швейцера о том, что в пожилом возрасте нужно работать больше, чем раньше, в работе – спасение от смерти. А работы впереди – непочатый край: ведь земной шар ждёт от нас мирного решения сегодняшних проблем. И в борьбе добра со злом важен каждый голос. Ответственность за жизнь планеты ложится сегодня на плечи каждого, только это нужно вовремя осознать и понять, а то нельзя будет исправить.

Ветер беспокойного времени не обошёл меня, не обойдёт он и других. А вместе – мы уже не просто один из народов, а единая народность земного шара. И дело тут не в мента-

литете Запада и Востока, Севера и Юга. Мы – неразделимое человечество. И когда каждый из нас почувствует свою принадлежность к этой единой народности, зло отступит, и светом мира и добра засветится душа каждого, и мир восторжествует на планете.

В то утро у меня появилось ощущение, что мои мысли услышаны природой. Казалось, что кроны многолетних деревьев кланяются мне, а листва шелестит в такт моим думам. В её шуме я слышала слова, которые выводила душа: «Всё у нас ещё впереди, только не останавливайтесь на полпути, очнитесь от спячки. Мы все за планету в ответе, и не должны оставаться сторонними наблюдателями. Скоро может быть поздно. Время пришло отдавать долги».

Сергеев-Ценский. «Я с Россией до конца»

Рисунок Шухарт Ольги

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – поэт, прозаик, драматург, поэт, публицист, родился 18 сентября (30 по новому стилю) 1875 года в селе Бабино Тамбовской губернии (сейчас – Преображенское, Рассказовского района Тамбовской области) в семье учителя земской школы. Он не любил рассказывать о себе. Поэтому, к сожалению, мы мало знаем о его родо-

словной. В одной из немногочисленных автобиографий он пишет: «Отец мой (Николай Сергеевич Сергеев), участник обороны Севастополя 1854—1855 гг., был учителем земской школы. Когда мне было пять лет, отец переехал в Тамбов, где ему дали должность в том же земстве». Николай Сергеевич держал своих сыновей в строгости, занимался их серьёзным воспитанием. Сергей рано научился читать. Воспитывался на произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, баснях Крылова. В семь лет написал первые стихи. О матери писателя, Наталье Ильиничне, известно лишь то, что она родом из терских казаков. В противоположность мужу женщина обладала добрым нравом, окружала детей лаской и вниманием.

В 1890-ом году юноша окончил Тамбовское уездное училище. Характер его формировался в трудные годы лишений. В семье трагедии следовали одна за другой: сначала два брата ушли из жизни, в 1891-ом году умерла мать, через год после этой трагедии не стало и отца, который был первым критиком своего талантливого сына, отметил уже в детстве имеющиеся у него творческие способности.

С. Н. Сергеев-Ценский вспоминает, что прозу отважился писать в одиннадцать лет. «Показал отцу свою повесть. Отец, не дочитав её до конца, бросил тетрадь в печь, объяснив потрясённому автору:

– Ты думал, должно быть, что писать прозой легче, чем стихами? Нет, труднее, в двадцать раз труднее!

– Почему? – прошелестел я.

– Потому, что так, как думал ты, думает всякий, и складно излагать свои копеечные мыслишки могут решительно всё, кто учился... Значит, если писать прозой, то надо написать так, как всякий-то не напишет... Не дорос ты еще до прозы, может быть, только через десять лет дойдёшь.

– А стихи? – спросил я и ждал, затаив дыхание...

– Стихи пиши».

Будущего писателя влекла к себе и живопись. Он прекрасно рисовал, но сделал выбор в сторону литературы, объясняя это позже так: «Но поскольку меня стали печатать, то я и остался в литературе. Однако живопись научила меня не только смотреть, но и видеть». В 1892 году в «Тамбовских губернских ведомостях» был опубликован его первый литературный опыт – заметка «Кочетовская плотина» – под псевдонимом Сергеев-Ценский (от названия реки Цны в Тамбове).

После смерти отца юноша уезжает в Черниговскую губернию. Покидая Тамбов, пишет стихотворение «Бури». В шестнадцать лет начинает самостоятельную жизнь. С 1892-го до 1895-го года обучается (за казённый счёт) в Глуховском учительском институте. По окончании его по собственному желанию отбывает воинскую провинность в армии: рядовым, ефрейтором, унтер-офицером. В звании прапорщика уволен в запас.

С 1896-го Сергеев-Ценский работает преподавателем русского языка в Каменец-Подольском городском училище, учителем рисования в городе Глухове, преподаёт историю и географию в Купянске. Позже учительствует не только на Украине, но и в Прибалтике, и в России. Он не может сидеть на одном месте: побывал в Средней Азии, в Архангельске, в Сибири, на Кавказе. В поездках собирает материал для своих произведений, изучает различные слои населения, совершенствует творческий стиль и литературный язык. Его герои отличаются необычной образностью, своеобразным языком. Писатель любит атмосферу одиночества и тишины. Он никого не впускает в свой творческий мир. Как вспоминают знавшие его, на квартирах и гостиничных номерах вывешивает табличку: «Меня никогда нет дома».

* * *

Чем дальше знакомишься с жизнью и творчеством классика русской литературы Сергеева-Ценского, тем больше поражаешься его удивительной стойкости духа, нестигаемой воле и трудолюбию, а главное – таланту художника слова. В пятнадцать лет оставшись один, пережив

трагедии в семье, которые и родителям преодолеть не удалось, он выстоял в борьбе за жизнь. Рано осознав своё предназначение – художественным словом будить людские души – он шёл вперёд к достижению цели, которую определил для себя ещё в юности. Познание мира через наблюдение за процессами, происходящими в природе и судьбах людских, жизнеописание – так он определяет свою главную задачу и не сворачивает с пути её решения. Великий художник слова, путешествуя по России, увидел так много, что этого жизненного материала хватило на многие поколения читателей, критиков и литературоведов.

В 1901 году в Павлограде тиражом в 300 экземпляров выходит его первая книга – поэтический сборник «Думы и грёзы». С 1900 года он начинает писать рассказы, первые из которых («Забыл» и «Тундра») были напечатаны в 1902-ом году в журнале «Русская мысль». С этого момента начинается его литературная биография. «Человек оригинального дарования, он первыми своими рассказами возбудил недоумение читателей и критики», – скажет о нём Максим Горький, познакомившись с его произведениями.

В 1904 – 1905 году, во время русско-японской войны, уже будучи известным как автор, Сергеев-Ценский вновь призван в армию. Он – командир взвода 51-го Литовского полка, который дислоцировался в Таврическом военном округе, где революционное движение приняло наибольший размах. Это не могло не повлиять на его взгляды. В этот период он знакомится с деятельностью революционеров, но сам по-прежнему остаётся сторонним наблюдателем происходящих в России политических событий. Участие в русско-японской войне и первый год Первой мировой войны дали Сергееву-Ценскому бесценный материал для создания романа «Поручик Бабаев», повестей «Пристав Дерябин» и «Батенька», эпопей «Севастопольская страда» и «Преображение России».

В 1905-ом году, после увольнения из армии за неблагонадёжность, он переехал в Крым. В этом же году опубликовал повесть «Сад», которая отразила нарастание протеста против социальной несправедливости. За публикацию этого сочинения был закрыт журнал «Вопросы жизни». Этапной для развития таланта Сергеева-Ценского стала повесть «Печаль полей» (1909), полная тревоги за судьбу русской деревни.

* * *

В 1906-ом году Сергеев-Ценский построил в трёх километрах от Алушты, на склоне Орлиной горы, пятикомнатный дом, который опоясывают три веранды. Вокруг дома разбил парк-сад. Здесь и провёл тринадцать лет жизни, никого не впуская в своё душевное пространство и не посвящая в творческие планы.

Войти в большую литературу ему помогла встреча с Александром Ивановичем Куприным. Она стала для писателя знаковой. Приехав по приглашению Куприна в Петербург, он как автор становится знаком широкой литературной общественности. В печати появились статьи о нём. Всегда находились те, кто пытался его критиковать, не забывая при этом отметить и слегка похвалить стиль, манеру выражения мыслей, художественную образность. В 1913 году Сергеев-Ценский пишет В. С. Миролюбову: «Не везёт страшно. Вот я выпустил уже шесть томов, а ко мне всё ещё относятся с иронической улыбкой». Позже он не обращался к редакторам с просьбой опубликовать его произведения, те находили его сами и соглашались на его условия публикации.

В 1914-ом году писатель вынужден снова надеть погоны прапорщика. Год службы в Севастополе дал ему богатейший материал для создания дальнейших военных романов и исторических повестей. В 1914 году, обращаясь к В. П. Кранихфельду с просьбой прислать отгиск его статьи «Поэт красочных пятен. С. Н. Сергеев-Ценский», он пишет: «Ваша статья была и есть дорога мне... она первая статья обо мне, более-менее обстоятельная и сочувственная, и я Вам за неё вообще благодарен».

Гостями Сергеева-Ценского в его доме в Алуште были писатели А. Куприн, И. Шмелёв, М. Горький, К. Чуковский, А. Новиков-Прибой, С. Маршак, К. Тренев, А. Первенцев и дру-

гие. А. М. Горький высоко ценил творчество Сергеева-Ценского. Он называл его «властелином словесных тайн, пронизательным духовидцем и живописцем пейзажа, каких нет у нас. Пейзаж Ваш – великолепнейшая новость в русской литературе. Я могу сказать это, ибо места, Вами рисуемые, хорошо видел». Этой оценкой Горького Сергеев-Ценский гордился и в беседах сам называл себя пейзажистом.

В Алуште он встретил и пережил Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Встретил их без восторга. Он не принимал участия в происходивших в России событиях ни на чьей стороне, отвергал и многочисленные предложения – выехать в эмиграцию. В уединении, отшельником, жил он на своей горе близ Алушты и писал главную книгу жизни – эпопею «Преображение России».

Ему казалось, что, отгородившись от мира, от его разрушительных войн и революционных событий, повседневных тревог и забот, он обрёл, наконец, внутреннее равновесие, душевный рай, к которому всегда стремился. К тому же судьба постучалась к нему в дверь рукой красивой женщины, филолога и талантливой пианистки Христины Михайловны Буниной, ставшей его женой в 1919-ом году. Ветер исторических событий и перемен ворвался вместе с ней на территорию дома писателя. У неё была дочь от первого брака, к которой писатель привязался душой. Но во время эпидемии холеры девочка умерла, что глубоко потрясло Сергея Николаевича. Об этой трагедии он напишет в 1922-ом году в рассказе «На ветру», опубликованном впервые в журнале «Новый мир» в 1927-ом году. В течение нескольких лет, следовавших за этим событием, он пишет мало, но не может не писать. Вновь выходят в свет его повести и рассказы, такие как «Счастливица», «Маяк в тумане», «Устный счет», «Воронята» и другие.

В 1937 – 1939 годах Сергеев-Ценский работает над романом о Крымской войне 1853-1956-го годов «Севастопольская страда». Это – объёмное художественное полотно, насчитывающее более 350 индивидуализированных действующих лиц и воссоздающее ход событий обороны Севастополя. За него в марте 1941-го года автору присуждена Государственная премия СССР.

Перед самой оккупацией Крыма фашистскими войсками, в августе 1941-го года, С. Н. Сергеев-Ценский с женой вынуждены эвакуироваться. Они проживают в Москве, в Куйбышеве, Алма-Ате и других городах. Сергеев-Ценский пишет статьи, рассказы о героях-современниках (сборник «Настоящие люди», романы «Брусиловский прорыв», «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили»). В 1943-ем году писатель избран действительным членом Академии наук СССР. Он продолжает работу над своим главным произведением – многотомной эпопеей «Преображение России», которой отдал в общей сложности 45 лет жизни с 1914-го по 1958-ой годы. В неё вошли 12 романов, 3 повести и 2 этюда. Эпопея отразила жизнь дореволюционного русского общества, события Первой мировой войны, Февральской революции 1917-го года, гражданской войны.

О процессе его труда рассказывает Маргарита Матюшина, редактор газеты «Тамбовская жизнь»: «Писал Сергеев-Ценский быстро и сразу набело. На чистый лист бумаги или в толстую тетрадь ложились мелкие аккуратные строчки без помарок и зачёркиваний. Сергей Николаевич не без основания гордился своей памятью и всегда любил повторять, что писатель без памяти – это не писатель. Сам же он держал в голове не только всех своих героев, а их было около тысячи, но и все события, связанные с ними. Он досконально помнил каждое своё произведение, а ведь написал их не один десяток. Мог также детально восстановить в памяти каждую встречу, каждое событие, произошедшие в его жизни. Основной творческий процесс проходил в его голове. Записывался лишь окончательный результат».

Во время Великой Отечественной войны дом Сергея Николаевича был разрушен оккупантами. Позже восстановлен, но пропала значительная часть его архива, картины И. Репина,

С. Колесникова, С. Семирадского, личная библиотека писателя, включающая более 10 тысяч книг.

До конца жизни Сергеев-Ценский оставался активно действующим писателем, соблюдал строгий распорядок. Рано поднимался, начинал день с зарядки и с обливания холодной водой, затем совершал небольшую прогулку и садился за письменный стол. В восемь часов завтракал, и снова за стол, за которым работал восемь-десять часов ежедневно. Лишь раз в неделю позволял себе отдых на природе – прогулки в горы или к морю.

Умер Сергеев-Ценский в Алуште в возрасте 83 года. После смерти писателя, в его доме был открыт литературный дом-музей. В советское время сочинения Сергеева-Ценского издавались 180 раз тиражом свыше 10 миллионов экземпляров на 15 языках народов СССР. Его именем названа одна из улиц областного центра. На берегу реки Цны в 1975-ом году воздвигнут памятник писателю, созданный скульпторами Т. Вельцен и С. Лебедевым, архитектором А. Куликовым. Это второй памятник Сергею Николаевичу, а первый, работы скульптора Н. В. Томского, установлен в Алуште в 1966-ом году. В сентябре 1995 года в Тамбове прошла международная конференция «Сергеев-Ценский и современность», посвящённая 120-летию со дня рождения писателя. В том же году учреждена областная литературная премия его имени.

«Я знаю всю Россию, и Россия меня знает».
(Сергеев-Ценский)

Путешествие в мир Бориса Заходера

«Послушайте, как жизнь сложна.
Нельзя ль попроще и получше?
Но нет, такая и нужна.
(Другой ведь все мы не получим)».

(Борис Заходер)

«Даже тот,
Кто в детстве слаб,
Неуклюж и косолап, —
Станет ловким,
Станет стройным,
Станет сильным —
Как Медведь!
Только надо
Очень сильно захотеть
И – немножко попотеть!»

«Ужасно жить – и сознавать,
Что ты не первенец творенья,
Что жизнь нисколько не нова
И каждый жест – лишь повторенье», —

«Ведь всякий срок, – увы, всего лишь срок.
И он пройдёт. Сотрётся след вселенной,
Где мы с тобой сумели – между строк —
Прочсть усмешку вечности Мгновенной.
Сотрётся след... Но не горюй, поэт!
Ты тоже усмехнулся – ей в ответ».

«Листки... Эскизы – не полотна...
Ну что ж, беда невелика:
Пусть мимолетна ты, строка,
Но что, скажи, не мимолетно?»
(«Листки». Предисловие)

«Ты – вдохновенный и озарённый,
Ты, мой читатель, душой одарённый, —
Ты мне нужнее, чем сердце в груди.
ЖДУ. ПРИХОДИ».

Прошлое стучится в дом каждого

Воспоминания детства – это самое сильное, что человеку остаётся, когда он переходит черту зрелости. Для меня они – в содержании книг, затронувших разум и сердце. Ведь именно чтение мастеров слова оказало большое влияние не только на становление моего характера, но и на формирование интересов и способностей моих детей.

Недавно в разговоре с тридцатилетним сыном наши мысли по этому поводу соприкоснулись. Он вспомнил книгу «Мишка-Топтыжка», содержание которой ему запомнилось с первых лет сознательной жизни. Мне – тоже. Сегодня, наводя порядок на полках домашней библиотеки, я вдруг увидела эту книжку. Необычная по форме, отпечатанная в издательстве «Малыш» на твёрдой бумаге с иллюстрациями А. Барсукова и подзаголовком «Книжка-игрушка», она была воспринята мной сейчас, как подарок с родины. Вспомнилось, что мы привезли её в числе самых дорогих сердцу вещей при переезде в Германию, когда сыну было около трёх лет.

Основная мысль автора в сказке о Мишке-Топтыжке выражена в словах:

Именно эти строки помогли сыну в детстве понять, что не надо ждать, когда тебе всё принесут на блюдечке, а нужно приложить усилия, чтобы желания исполнялись.

Три десятилетия проживания семьи в Германии, не стёрли из памяти этого восприятия действий Мышки-Топтыжки. Правда, давно пережитое осознаётся теперь несколько с иных позиций, сознание пытается найти ответы на другие вопросы.

На этот раз, перелистывая страницы книги, я прежде всего обратила внимание на имя автора – Борис Владимирович Заходер. Оно показалось мне незнакомым. Задумалась: в средней школе мы не изучали творчество этого писателя, в педагогическом институте на литературном факультете – тоже нет. «Значит, пришло время мне самой изучить его биографию и совершить путешествие в мир Заходера?» – подумала я. Захотелось узнать, что затрагивало душу создателя образа Мишки-Топтыжки в реальной жизни? Как сложился его творческий путь? О чём он думал, к чему стремился?

Набрала фамилию писателя поисковой машине интернета и поразились тому, что именно перу Бориса Заходера принадлежит и другое, моё любимое с детства стихотворение под названием «Буква Я». Прекрасно помню эту маленькую книжечку с мелким шрифтом, которую зачитывала в детстве до дыр. «Такого не бывает! – поразились я. – Два произведения одного автора, имени которого я не знаю, остались в моей памяти свидетельством детских размышлений и переживаний!?».

Ведь сказку «Буква Я», большое по объёму произведение, – я знаю наизусть и в моём пожилом возрасте! Любовь к Мишке-Топтыжке передала сыну, а стихи «Буква Я» читала пятиклассникам в течение многих лет, работая учителем в России, а также – в Доме творчества в немецком Фрайбурге, проводя уроки литературы для русскоязычных детей. Я декламировала им эту сказку, опираясь на буквы «Азбуки». Мы разыгрывали текст сказки по ролям. Помню, как глаза ребят светились любопытством, соприкасаясь с содержанием стиха и музыкой его звучания.

Сейчас, путешествуя по стране Бориса Заходера, я окунулась в мир его мыслей с позиций женщины, много повидавшей на своём веку. Вновь, как в молодости, меня настиг вопрос о смысле жизни. Ответ на него я так и не нашла в течение жизни. «А как отвечает на него Борис Заходер?» – подумала я и с всё возрастающим интересом погрузилась в изучение его творчества.

Прочитав строки:

я поняла, что поэт находился в постоянном поиске истины, а на вопрос: «Нашёл ли он ключ к разгадке этой тайны?» – мне ответить так и не удалось.

Уроки взросления

Родился Борис Заходер девятого сентября 1918-го года в небольшом городке Кагул в южной Бессарабии (ныне Молдова). Его дед, Борух Бер-Залманович Заходер, был первым казённым раввином Нижнего Новгорода. Благодаря его активному участию, в городе было открыто еврейское училище, а в 1883-ем году построена синагога. Отец Бориса – Владимир Борисович Заходер – был юристом в авиапромышленности. В связи с его служебными назначениями, семья часто меняла место жительства. В Москву она переехала уже из Одессы. Мать Бориса, Полина Наумовна Герценштейн, свободно владела несколькими языками, в том числе немецким и английским. Благодаря ей, Борис в детстве читал произведения зарубежных классиков в оригинале и стал поклонником Гёте. Он получил в семье и музыкальное образование. Больше всего любил слушать произведения Шопена и Бетховена. Между сыном и матерью установилась внутренняя связь. Четырнадцатилетним, он испытал глубокое потрясение, связанное с трагической гибелью матери. Всю жизнь пытался понять причину её ухода из жизни. Душевные раны оставили глубокий след в сердце поэта.

Спасением Бориса в тот период был повышенный интерес к естественным наукам, в частности, к биологии. Чрезвычайно любознательный, он не расставался с книгами А. Э. Брема «Жизнь животных» и Ж. А. Фабра «Жизнь насекомых». Закончив школу, находился на перепутье. К удивлению многих, поступил в Московский авиационный институт. Поняв, что это не его дело, перешёл в Казанский университет на биологический факультет. Позже перевёлся в Московский университет имени Ломоносова на тот же естественно-биологический факультет.

В чём была причина таких перемен в его жизни? Возможно, в то время он и сам бы не смог ответить на этот вопрос... Известно лишь, что довоенные поиски себя у будущего поэта закончились в 1938-ом году поступлением в Московский литературный институт имени Горького.

В 1939-ом году началась финская война. Борис Заходер и его друг, поэт Арон, добровольцами ушли на фронт. Арон – погиб, спасая одного из бойцов. Борис остался жив, но на его сердце появился новый рубец от потери близкого человека. Может, тогда грусть зародилась в глазах этого жизнерадостного человека...

С первых дней Великой Отечественной войны Борис Заходер – её участник. В 1944 – 1946-ом годах – он фронтовой журналист и старший лейтенант. Награждён двумя медалями за боевые заслуги. По окончании войны отслужил в армии дополнительно год переводчиком немецкого языка. Первые публикации его стихов появились уже в армейской печати. После окончания Второй мировой войны Борис Заходер экстерном, с красным дипломом, закончил Литературный институт имени Горького.

Но и после получения в 1947-ом году диплома, доступ в литературу для него был закрыт. То ли национальность сыграла в этом роль, то ли он выражал в своих произведениях неугодные мысли, обладая искромётным юмором, то ли его фамилия звучала неблагозвучно для печати произведений социалистического реализма... Фамилию свою он не дал в обиду, впоследствии увековечив её в названии сборника «Заходерзости». Есть сведения о том, что тогда существовало негласное указание не печатать некоторых авторов, в числе которых был и Заходер, но это пока только предположения. В послевоенные годы, да и позже, публиковали в основном произведения Заходера, относящиеся только к детской литературе. Неизвестно, о чём думал по этому поводу сам поэт, но он продолжал делать то, что подсказывало сердце. Жанры его произведений менялись, но образ жизни оставался прежним. Писательство стало основным родом его трудовой деятельности.

В 1947-ом году в печати появилось первое стихотворение Бориса Заходера «Морской бой». В то время он уже работал над произведениями для детей, публиковал их в журналах «Затейник» и «Мурзилка». Вскоре написал сказку про букву «Я», но опубликована она была только в 1955-ом году на страницах журнала «Новый мир». Я знаю теперь доподлинно историю

опубликования моего любимого стихотворения. Случилось так, что редактор «Детиздата» вернул его автору со словами: «Стихи на книжечку никак не тянут». И это, несмотря на положительный отзыв Л. А. Кассиля: «Эти стихи все дети будут охотно читать и учить наизусть». Борис Заходер послал их в редакцию «Нового мира», главным редактором которого был в то время Александр Твардовский. Прошли месяцы, прежде чем Борис Заходер был приглашён на беседу и услышал слова Твардовского: «Ваши стихи у нас не пойдут... они, может быть, и неплохие, но не для нас...». В конце беседы автор получил совет – показать их С. Я. Маршаку. Пролетав в «Новом мире» годы, «Буква Я» была именно там напечатана – но уже при Константине Симонове. Правда, Заходеру предварительно посоветовали сменить фамилию на псевдоним. Он этого не сделал. К тому времени его начали печатать в журнале «Пионер» и в газете «Пионерская правда». В 70-ые годы с экранов страны, в кинофильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.», зазвучали строки стихотворения Бориса Заходера «Не бывает любви несчастной». В эти годы к поэту пришло относительное признание.

В 50-ые – 60-ые годы Борис Заходер уделял особое внимание изучению русского и зарубежного творчества. В 1952-ом году в «Народной библиотеке журнала «Огонёк» вышли его переводы рассказов Анны Зегерс (под псевдонимом Б. Володин); с 1955-го по 1960-ый год он перевёл на русский язык «Сказки и весёлые истории» Карела Чапека, а также некоторые произведения Яна Грабовского, Юлиана Тувима и Яна Бжехвы. Позже он скажет: «В сущности, хотя я уже начинаю об этом забывать, переводы были для меня средством «маскировки», порой сознательной, порой под- (или бес-) сознательной: я был уверен, что «в моих» устах то или сё прозвучит крамолой или вернее, мне «не позволено» это высказывать, и я прятался за перевод – и вообще за переводы».

Сказочный мир Бориса Заходера

Борис Владимирович Заходер был не только поэтом, но и независимым писателем, который шёл своим путём, не раздражаясь на оппонентов и критиков. Время было другое. Нужно было или прогнуться под него, приспособливаться, или остаться верным самому себе, своей жизненной позиции. Поэт Борис Заходер остаётся верен себе.

В Союз писателей СССР он был принят лишь в 1958-ом году. А в сороковые годы открыл для себя и читателя сказочный мир Алана Милна, П. Плевенса, Дж. Барри, Л. Кэрролла, в котором на русском языке заговорили Винни Пух, Мэри Поппинс, Питер Пэт, Алиса в стране чудес. Сегодня Борис Заходер известен миллионам читателей, как малышам, так и взрослым, как переводчик «Винни Пуха», «Мэри Поппинс», «Питера Пэна», «Алисы в Стране чудес» и других книг зарубежных авторов. Его переводы несколько свободны, ценны тонким восприятием событий и потрясающим чувством юмора. Герои его произведений – самые разнообразные персонажи, начиная от обычных и диковинных заморских зверей, заканчивая забавными малышами, школьниками, буквами алфавита, разнообразными вещами, окружающими нас в повседневной жизни. Борис Заходер от рождения имел способность перевоплощаться в своих героев, думать, как они, выражать свои мысли языком зверят, говорить и чувствовать за них.

Вячеслав Лобачёв, знавший поэта многие годы, вспоминает: «Борис Владимирович рассказывал и о том, как он проверяет на прочность созданные им стихи. Конечно, многочасовое сиденье за столом, поиски рифм, черновики... Но, когда, на его взгляд, стихотворение казалось готовым, нужно было выйти во двор и прочесть по памяти написанное. Если удавалось без запинки вспомнить весь новый текст – стихотворение принималось, нет – шло в доработку. Писатель на зуб проверял каждое слово, искал нужное ему место в строке. За кажущейся лёгкостью стихов Заходера стоит тяжеленная умственная работа автора».

Работа переводчиком книг зарубежных авторов принесла Борису Заходеру успех и уважение. Его стихи были переведены на английский, арабский, польский, испанский, голландский, хинди, украинский, азербайджанский, грузинский и другие языки. Их читали взрослые

и дети. Он подарил российским читателям шедевры мировой детской классики, на которых выросло несколько поколений.

Москвич Валентин Васильевич Кузнецов, родившийся в первый год войны, вспоминает о знакомстве с творчеством Бориса Заходера в рассказе «Жизненные уроки»: «В его сказке «Винни Пух и все-все-все» сказку Кристоферу Робину папа начинает словами «Давным-давно, кажется, в прошлую пятницу». Вот и мне рассказ о первой встрече с «Винни Пухом» хочется начать словами «Давным-давно, кажется, в прошлую пятницу». И, действительно, давным-давно, кажется, в пятницу... Но ещё до той пятницы, давным-давно, кажется, в шестидесятых годах прошлого столетия, во второй половине этих годов, я – в то время начинающий инженер – часть своей работы выполнял в лаборатории электронного моделирования. А начальником той лаборатории была Нина Михайловна, читавшая журналы на четырёх иностранных языках и преподавшая мне, как позже выяснилось, немало полезных жизненных уроков... Наши обсуждения технических проблем стали завершаться – по её инициативе – обсуждениями новостей культуры. Она стала приносить мне интересные книги, из которых я узнавал о почти неведомых мне до того деятелях: Рерихи, Илья Глазунов, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Борис Пильняк, Стругацкие, Эварист Галуа... Но однажды она приносит мне странную книгу и предлагает её прочитать. На обложке значатся неизвестные мне авторы – Алан Милн и Борис Заходер. И ещё написано – сказка.

– Нет, Нина Михайловна, – говорю я. – Я это читать не буду. Не моё это. Я ещё в детстве прочитал двухтомник русских сказок под редакцией Афанасьева, и этого для меня достаточно: я вырос из того возраста, когда читают сказки.

– А Вы всё-таки, Валюша, прочтите, – настаивает Нина Михайловна. – Не пожалеете.

Я сделал вид, что согласился с ней, а сам, не собираясь читать, положил книжку в ящик рабочего стола.

Через неделю Нина Михайловна спрашивает:

– Вам понравился «Винни Пух»?

– Какой Винни Пух? Ах, этот! Так я же сказал Вам, что читать её не буду: не моё это.

Достаю книжку из ящика рабочего стола. Раскрываю её, чтобы убедительно, с анализом текста, доказать, что читать её не надо. А книга случайно раскрывается на стихотворении. Читаю его:

«И почему это Хта – обязательно та,
а Жерка, как правило, – эта?».

Задумываюсь. А и в самом деле, почему это Хта – обязательно та, а Жерка, как правило, – эта? Конечно, это – просто игра слов, но она мне нравится. И потом – каким же чувством языка должен обладать переводчик Заходер, чтобы такой перл обнаружить? Да и нет такого каламбура в английском языке, а это значит, что эта сказка – не просто перевод с английского, а самостоятельное изложение. А тогда есть смысл его прочитать. Листаю и нахожу: «спасание» вместо «послание». Как же это здорово! Увидеть в знакомых словах новый смысл, обыграть их на новый лад. Да тут ещё и философия! И я говорю:

– Нина Михайловна, я обязательно-обязательно прочитаю эту книгу.

Эта история была мне уроком».

Поэт Агнес Госсен, моя землячка по России и по Германии, узнав, что я увлеклась творчеством Бориса Заходера, воскликнула: «Это же классика! Я читала его стихи и сыну, и внучке, которая о Винни Пухе уже и на английском сама читала. Мои трёхлетние внучата-близнецы уже и мультфильмы о нём смотрели. Мне кажется, что песня Винни Пуха „Хорошо живёт на свете Винни Пух, оттого поёт он эти песни вслух“ и про мёд, и про надо подкрепиться – это из области крылатых выражений. Их знают по крайней мере три поколения российских немцев из Союза, как, например, и стихи Пушкина, которые учила наизусть моя мать, я и мой

сын. И эти цитаты, их понятный посвящённым контекст, – это почти как тайное родство единомышленников».

При чтении этих слов мне вспомнился наш с мужем друг семьи Валерий Хаберманн. Мы с ним, зная эти строки с юных лет, долго не размышляли об истоках рождения Винни Пуха, а, проживая уже в Германии, в течение многих лет называли друг друга Винни Пухами, потому что любили ходить друг другу в гости, беседовать о том, о сём... Валеры давно нет, ушёл через десятилетие после Бориса Заходера в вечность, но воспоминания остались – согревают душу.

Запомнились мне слова Павла Суркова, автора: «Заходер увидел в «Пухе» одну из главных метафор своего времени. Метафору страшную, но при этом – дающую неизбежную и радостную надежду. «Винни Пух» – книга эсхатологическая, книга, задающая собственную Вселенную. Вселенную времени большого мирового переустройства – не зря «Пуха» долго не переводили, например, в Германии (при фашизме этот текст был в принципе запрещён – понимал доктор Геббельс, с чем имеет дело!).

Фронтвик Милн, прошедший Первую мировую, автор «Мира с честью», понял одну очень важную вещь. Её понял ещё один фронтвик – Джон Толкин. И они написали две ОДИ-НАКОВЫХ книги. Две эсхатологические книги о том, как меняется мир, тихий, спокойный, патриархальный, когда в него приходит Новое Зло. Это Зло – стихийно, оно безлико, как оружие массового поражения, как смерть на Ипре. У него нет лица. Безлик толкиновский Саурон. И безлика стихия – единственное олицетворение зла в «Пухе»: наводнение в первой книге – и ураган во второй. А против этого зла выходят не герои. А простые смертные. Совершенно негероические. Очень Маленькие Существа. И одно из них – а вовсе не авторские протагонисты – совершает в финале Великий Подвиг».

В этих словах и высокая оценка творчества Бориса Заходера как переводчика с точки зрения его общественно-политического значения. Слова Павла Суркова заставляют задуматься над вопросами общечеловеческого характера, касающимися истоков Зла и Добра и понимания каждым членом земной цивилизации своей роли в борьбе за сохранение планеты.

Поколение идёт за поколением, а Винни Пух с друзьями остаются такими же, какими их изваяли руки мастеров Алана Милна и Бориса Заходера. Они слились в интернациональных образах Медвежонка Винни Пуха, Пятачка, Ослика И-а, Совы, Кенги, Кролика, Тигра и не только. Эти герои – любимцы детей и взрослых, объединены одним миропониманием, мироощущением, схожими эмоциями. Они – живые существа одного рода-племени, и держатся вместе, побеждая стихии, которые несут на себе Зло. И с ним нужно бороться всем миром. Этому учат нас произведения Бориса Заходера.

Борис Заходер – переводчик Гёте

«Человек должен верить в бессмертие – он имеет на это право, это в его натуре... Для меня убеждение в нашем будущем существовании возникает из понятия деятельности, ибо если я неустанно действую до конца моей жизни, то природа обязана дать мне иную форму существования, когда эта, теперешняя, уже не будет в силах более удерживать мой дух». (И. В. Гёте)

Взаимоотношения Бориса Заходера с творчеством Иоганна-Вольфганга Гёте складывались в течение всей его жизни. В Предисловии к двухтомнику «Заходер и всё-всё-всё», опубликованному в 2003-ем году, его жена, Галина Сергеевна Заходер, пишет: «В толстенной папке, бечёвки которой даже трудно завязать, хранятся около 800 листов, исписанных с обеих сторон, самый ранний из них датирован 1946 годом. Прикасаясь к истокам работы над переводами Гёте, выполненными даже не шариковой ручкой, а „вечным пером“, я прикоснулась к истории. Используя слово „перевод“, я отдаю дань традиции, которую хочется нарушить. Я бы сказала, что Заходер – не просто переводчик, он – соавтор Гёте. Чтобы не быть столь категоричной, смягчу формулировку и оговорюсь – русский соавтор Гёте, так мне кажется».

Вдова Бориса Заходера рассказала и о том, как однажды математик А. Н. Ширяев, обратился к Борису Заходеру с просьбой сделать литературный перевод прозаических строчек Гёте, встречающихся в текстах архива учёного Колмогорова. Бориса Заходера поразило тогда то, что дневник учёного открывался сразу тремя цитатами из Гёте, а в его окружении многие знали творчество Гёте только из школьной программы. Он выполнил просьбу Ширяева. Одна из цитат Гёте в переводе Бориса Заходера звучала так: «Пережитое дорого каждому, а особенно – тому, кто вспоминает и размышляет о нём на склоне лет с отрадной уверенностью, что уж этого-то у него никто не отнимет». («Das erlebte weiss jeder zu schützen, am meisten der Denkende und Nachsinnende im Alter; er fühlt, mit Zuversicht und Behaglichkeit, dass ihm das Niemand rauben kann». *Maximen und Reflexionen*, N10, s.151). Эти слова Гёте близки Заходеру. Профессионально он начал делать его переводы в первые послевоенные годы, почтительно именуя великого поэта – «мой Тайный Советник». Так он называл его не в связи с тем, что тот действительно являлся тайным советником при дворе герцога Веймарского, а потому, что нашёл в нём духовного собеседника по вопросам искусства, политики, этики. Изучая творчество Гёте, Борис Заходер получал ответы на извечные вопросы бытия, которые жизнь ставила перед ним. В доме вдовы Бориса Заходера до сих пор царит культ великого Гёте. В кабинете мужа на книжной полке, как и при его жизни, хранятся книги с произведениями Гёте. По поводу некоторых из них Заходер писал: «Этими томиками я особенно дорожу. Не только потому, что это моя первая – и единственная – литературная награда, вернее – то, что от неё чудом уцелело, несмотря на стихийные силы, включая сюда войны (2), жён (3), переезды и соседей (много!) и прошедшие годы (без счета!). И даже не потому, что мне тогда еще не было и 18 лет, а, в конце концов, каждый имеет право на ностальгию по своей юности».

Интересно то, что Гёте и Заходер родились примерно в один день, с разницей в два столетия, и ушли из жизни на 83-ем году жизни. Хоть им обоим не сопутствовал успех в течение десятилетий творческого труда, но нашлась точка внутреннего соприкосновения душ поэтов, которая повела Бориса Заходера за своим Тайным Советником через годы. Переводы произведений классика Заходер делал до последних дней жизни, но только в 2008-ом году они были впервые опубликованы его женой, Галиной Сергеевной Заходер, двухтомником под названием «Но был один поэт». Она провела титаническую работу, редактируя рукописные страницы черновиков, набросков, размышлений мужа. Труд Галины Сергеевны по сохранению памяти мужа, поэта и переводчика – неоценим. Выход книги был приурочен к 90-летию со дня рождения Бориса Заходера.

Почему так поздно?

Причину этого можно искать в высокой требовательности Бориса Заходера к себе и своим творениям. Он был перфекционистом. Переводами произведений создавал своего русского Гёте. Неоднократно перечитывая его стихи, Заходер отыскивал в них суть и в своих переводах выражал русскими словами именно то, что его взволновало. Он сам оценил свой труд переводчика Гёте словами: «Порой дословный перевод; порой – вольный перевод; порой – вспомним хорошие старинные слова – подражание, переложение».

Под впечатлением этих строк, я обратилась к жене поэта со словами:

– Я проживаю в Германии почти 30 лет. Читаю Гёте в оригинале. Но так тонко чувствовать язык, как Борис Заходер, не научилась, хотя мои родители – немцы из России.

– Да, удивительны судьбы людей, – ответила она. – Язык, который мы «проходили» в школьные годы – был совсем иным, чем когда я прикоснулась к нему «живьём», будучи пару месяцев в самой стране. Он мне так понравился, звучал, особенно в женском исполнении, так красиво, что я только тогда поняла, как важно слышать настоящий. Так, вероятно, и переводы. Человек, который вырос на немецком языке, полюбил его с детства. Борис Заходер так сроднился с ним, что ни дня не проводил без прикосновения к Гёте. Он «жил по Гёте» всю жизнь – с детства и до последнего дня. Практически ни дня без Гёте».

В своё время Иоганн-Вольфганг Гёте сказал пророческие слова о том, что солнце никогда не заходит, оно лишь не всегда видно нашему взору. Эту мысль можно отнести и к творчеству самого Гёте, и к жизни Бориса Заходера, и к тем, кто с ними всегда рядом.

Борис Владимирович Заходер покинул мир в ноябре 2000-го года в городе Королёв Московской области. Похоронен он на Троекуровском кладбище в Москве. Памятник поэту-переводчику был создан скульптором Андреем Наличем. По форме он представляет собой полу-сферу, на одной из половин которой, слева, расположены даты жизни поэта – 1918—2000, а справа – Винни Пух с Пятачком, уходящие вдаль. Так ушёл и Борис Заходер в пространство вечности, оставив о себе память строками из своих книг, помогающих людям всех возрастов осознать происходящее на нашей планете.

Для многих почитателей таланта Бориса Заходера остаётся открытым вопрос: каково будущее его рукописей? Что делается для доступа к ним исследователей и интересующихся читателей? На этот вопрос пока нет ответа. Будущие исследователи его творчества несомненно отметят в своих работах талантливость художника слова, свежесть и остроту его ума, поэтичность прозы и достоверность переводов.

В Подмосковье, в Комаровке, находится дом Заходеров. Это своего рода музей, где проживает гостеприимная Галина Сергеевна Заходер. Она принимает гостей и поклонников мужа, которые помнят и знают его произведения. Вещи из прошлого, которые ей очень дороги, знакомят посетителей с интересами хозяина, его увлечениями и привычным для него укладом жизни.

Моё знакомство с творчеством поэта-переводчика Бориса Заходера продолжается. Его нельзя постичь, прочитав несколько книг. За каждым поэтическим словом и образом стоит мысль, тайну которой в одночасье не разгадать. Для этого нужно пройти определённый путь, чтобы дотянуться до его философских размышлений, чтобы понять и осмыслить им сказанное, чтобы думать в унисон с ним. В моём сознании всё ещё звучат строки поэта:

Оценка творчества Бориса Заходера

«Глядишь, ещё
настанет срок
и для твоих шуточных
строк...», —

пишет Борис Заходер в одном из своих стихов, делая попытку заглянуть в будущее. Труд Бориса Заходера был оценён прежде всего международной общественностью. В далёком 1978-ом году он стал Лауреатом международной литературной премии детских писателей имени Ханса Христиана Андерсена. Позже оригинальные стихи Бориса Заходера были опубликованы во многих странах мира, таких как Англия, США, Австралия, Польша, Чехия. В 1993-ем году поэт получил премию и диплом за №1 Ассоциации детских писателей и Национальной секции России в Международном совете по детской литературе за «вклад в развитие детской литературы. «К сожалению, – пишет его жена, – в Колонный зал дома Союзов ездила получать награду я со своими внуками, которые читали стихи, написанные им для этого случая – сам он лежал на операции». Была еще одна награда, которую Борис Заходер принял с удовольствием. В 1998 году Министерство образования России постановило в связи с 80-летием поэта наградить его медалью К. Д. Ушинского за заслуги в воспитании детей, мудрость и доброту его литературных произведений, большой вклад в культуру страны. Это – единственная награда, которую писатель получил лично. Вручил её известный общественный деятель, профессор психологии А. Г. Асмолов, в Комаровке, в день рождения Бориса Заходера. В 1999-ом году талантливый поэт, писатель и переводчик становится Лауреатом Государственной премии Российской Федерации. А ещё через десятилетие, в 2008-ом году, Совет по общественным наградам ООН посмертно наградил Бориса Заходера медалью Гёте за выдающийся вклад в европейскую литературу.

Стихи Бориса Заходера, положенные на музыку, ещё не стали широко известными, но, несомненно, этому тоже придёт время. К одним из первых таких произведений относятся романсы на десять стихотворений из цикла «Листики», несколько песен Маргариты Зеленой, написанных для музыкального журнала «Колобок», среди них – «Пан Трулялинский». «Романсы из серии стихов „Еврейское счастье“, – пишет вдова Бориса Заходера в книге „Борис Заходер и всё-всё-всё“, – которые она сама и другие исполнители сохраняли в репертуаре долгое время, да и ее романсы из „Листков“ – исполнялись неоднократно. Опера „Снова Винни-Пух“ долго шла в театре Наталии Сац. Было несколько отдельных песенок из „Алиски в Вообразии“. Песенки для исполнения детьми и для детей писала композитор Елизавета Туманян. Генрих Брук написал „Кантату о сыре“ для семи солистов и хора. Известный по фильму „Баллада о солдате“ композитор Михаил Зив написал оперу по сказке „Лопушок у Лукоморья“, которая шла в театре Наталии Сац».

Своему читателю посвятил Борис Заходер последние строки в последнем сборнике:

Игорь Доминич. Незавершённая строка

Дворец Творчества детей и молодежи
“ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ”
(ул. Большая Черкизовская, д. 15)
Клуб самодеятельной песни “Надежда”

ПАМЯТИ ИГОРЯ ДОМИНИЧА

8
октября
начало в 19.00

концерт-презентация

Игорь Доминич

Александр

Александр

Александр

Александр

НЕУКРОЩЕННЫЕ
МНОИ БУКВЫ

ШЕЛЕННЫЕ
БУКВЫ

СОВЕРШЕННЫЕ
И БУКВЫ

ИЗВЕРЖЕННЫЕ
ГЛУХИЕ

Стихи и песни на стихи И. Доминича прозвучат в исполнении бардов С.Никитина, Д.Бикчентаева, А.Соломонова, Р.Ахметзянова, М.Носовой, М.Фахртдинова, Д.Матюшина и др.

На афише внизу слева Игорь Доминич
Молдова. Кишинёв. Осень. 2013 год.

Ныне известный поэт, в то время – библиотекарь, Игорь Доминич дарит библиотеке имени Ломоносова редчайшую книгу «Гамлетъ. Принцъ Датскій. Трагедія в пяти дѣй-

ствяхъ Вилліама Шекспира», напечатанную типографией А. С. Суворина в Санкт-Петербурге в 1893 году. Позже выяснится, что этот экземпляр принадлежит известному режиссёру Борису Бертельсу. На последней странице книги есть надпись, сделанная карандашом: «Мечтательный, впечатлительный и с разодранной душой». «Эту характеристику Гамлета удивительным образом можно отнести и к Игорю Доминичу», – скажут позднее коллеги, знавшие Игоря Доминича в последние годы жизни.

В связи с этим сообщением, прочитанным в кишинёвской газете, мне вспоминаются стихи поэта о его мнимом или реальном участии в постановке спектакля «Гамлет» Вильяма Шекспира.

Что хотел сказать Игорь Доминич последними строками стиха? Почему он эту ценную книгу передал в фонд библиотеки? Как часто, перечитывая Шекспира, он пытался переносить на себя мысли и чувства его героев?

Может быть, и «распалась связь времён», думаю я, в который раз перечитывая эти строки, но люди, подобные Гамлету, с его вечным вопросом «Быть или не быть?», продолжают свой путь по нашей планете. Они живут, страдая и от понимания того, что мы – лишь странники в этом мире, и от того, что когда-нибудь уйдём в синеву небес.

Это осознание конца мучительно для впечатлительной души Игоря Доминича, но не тем, что и для него наступит час прощания, а тем, что он может не успеть.

Всё имеет своё начало и свой конец, но, когда смерть вырывает неожиданно в середине пути друга, – это страшно, несправедливо, невыносимо.

Друзья Игоря – Александр Соломонов, Дмитрий Бикчентаев, Рустам Ахметзянов – не могут смириться с этой трагедией и делают всё, что в их силах, чтобы о поэзии Игоря Доминича стало известно широкому кругу читателей.

«Неукрощённые мной буквы» – так названа книга Игоря Доминича, концерт-презентация которой состоялась 8 октября 2015-го года в Москве в концертном зале Дворца творчества детей и молодёжи «Преображенский». На презентации прозвучали стихи и песни на стихи Игоря Доминича в исполнении бардов Сергея Никитина, Дмитрия Бикчентаева, Александра Соломонова, Рустама Ахметзянова, Марины Носовой, Марата Фахртдинова, Дмитрия Матюшина, Эльмиры Галеевой и других. Презентация завершилась видеofilmом, в котором Игорь Доминич исполняет песню «Зелёное время восхода» под собственный аккомпанемент на гитаре.

Бард Александр Соломонов, друг и соавтор Игоря Доминича, незадолго до презентации сообщил, что «организаторы презентации – ребята, которые печатали книжку в Москве: Евгений Савельев и Рустам Ахметзянов, ну и я, если так можно сказать, поскольку я – не в Москве».

Рустам Ахметзянов называет книгу – интернациональной: «По содержанию и по оформлению она подготовлена в Германии, напечатана – в Москве, корректура сделана в Молдавии».

«Прошло десять лет с момента выхода первой книжки, – пишет Александр Соломонов во вступительном слове книги. – Она разлетелась по свету, и любители песни и поэзии узнали, что среди нас живёт интересный Поэт Игорь Доминич. Пишет удивительно песенные стихи. И многие композиторы в мире авторской песни сразу откликнулись на музыкальность его строк. А песня летит быстрее стиха и проникает в душу легче. Так и случилось. Больше Игорь не напишет ни одной строчки... Собрать в одной книжке всё написанное Игорем стало нашим человеческим долгом перед ним. Именно поэтому нам хотелось, чтобы стилистика оформления перекликалась с первой, составленной им самим, книжкой „Зелёное время восхода“, которая полностью вошла в этот сборник».

Поэт Александр Городницкий, корифей движения авторской песни, познакомившись с творчеством Игоря Доминича, дал однозначную оценку его творчеству: «Перед нами подлинный самобытный поэт с драматической биографией в своей короткой жизни, человек, нестандартно мыслящий и чувствующий, срастивший себя с лирическим героем. Его книга, помимо

многочисленных оригинальных поэтических находок и метафор, поражает своей неподдельной искренностью и эмоциональным нервным напряжением».

Подмосковье. Колонтаево. Весна. 2012 год. Всероссийский фестиваль авторской песни и поэзии «Песня Булата».

Участница фестиваля Татьяна Гольцман вспоминает:

«Доминич взорвал зал, жюри, атмосферу. Все увидели, когда он вышел на сцену, что это Явление. Самое яркое и большое открытие. На сцене он делал что-то совершенно необыкновенное, мистическое. Я никогда ни до, ни после не слышала, чтобы ТАК читали стихи. Он доставал из небытия, из недр души, из воздуха единственно возможные сочетания слов и с их помощью творил новую реальность. Зал замирал, потом неистовствовал и вёл себя, как живое существо, обладающее душой. Разумеется, он стал Лауреатом этого фестиваля. По другому просто быть не могло».

«Прав старик. Распалась связь времён.
Прав старик Вильям, на удивленье.
Я – последний Гамлет, занесён
В списки подлежащих истребленье.

Точно так же, как король-отец,
Должен умереть наследный принц.
Не сейчас, конечно, ведь конец —
Только через несколько страниц.

Ещё будет длинный монолог.
И пройдёт Офелия в накидке...
Я смеюсь? Да нет, помилуй Бог.
Ну какие могут быть улыбки.

Мне ещё решаться, и решать,
И судить (ведь я, увы, не зритель).
А потом, в финале, умирать...
Ничего. Не в первый раз. Сидите.

Вам же интересно посмотреть,
Как старик не справится с сюжетом,
И безумный Гамлет примет смерть.
Как сумею. Дело ведь не в этом.

Как сумею. Здесь мы все равны.
Время на исходе. Потерпите.
(Жаль, что я себя со стороны
Не увижу. Я, увы, не зритель).

Ладно. Умираю. Шпаги звон
Ядовитой капелькой в ушах...
Прав старик. Распалась связь времён.
Всё. Спасибо. Дальше – тишина...»

Об этом говорится в строках поэта:
«С Веста дуют ветры или с Оста,
Дни идут на убыль или в рост —
Сколько мне положено по ГОСТу,
Столько и отмерит мне погост.

Как и всем, единою рулеткой
Мне отмерит славу и покой,
Память и дуэльный выстрел меткий,
Сделанный уверенной рукой.

Надо мной – склонённые штандарты,
Залпы в воздух на закате дня...
Только кто сказал мне, что штандарты
Эти сочинили для меня?

Ведь когда могильщик – морда брюквой,
Заступом помашет полчаса,
Лишь неукрощённые мной буквы
Упорхнут обратно в небеса...»

«Значит, так. Мы начнём с конца!
Время действия – день дуэли.
Что нам нужно? Чуть-чуть свинца.
Мерка пороха. Снег постелен.
Всё. К барьеру. Звенит звонок:
«Не угодно ль Вам?.. Не угодно».
Дальше выстрелы, кровь, возок.
Моцарт. Занавес. Все свободны.
Всё не то. Двадцать первый век.
Наше время. Начнём отсюда.
Точно так же – постелен снег,
Точно так же – не будет чуда,
Точно так же встаёт страна
И немеет оркестр сводный...
Нет. Не встанет, себе верна.
Моцарт, занавес. Все свободны.
Может так? Ни времён, ни лет.
(Можно Моцарта тихо-тихо?)
Сцена. Кто-то. Актёр, Поэт...
Снег постелен. Ни бед, ни лиха.
Безмятежны черты лица,
А мы знаем, мы с вами знаем —
Мерка пороха. Чуть свинца...
Моцарт! Занавес! Начинаем...»

* * *

«Город плавился в топке лета,
Человеческая руда
Растекалась, как ток, в продетых
Сквозь троллейбусы проводах.
Но когда я глядел на небо,
Мне мерещился всякий бред —
Запах стужи и запах снега,
Запах будущих зим и бед...

А жара, то ныряла с вышки,
То всплывала наверх, и там
Расползалась по плоским крышам,
Льнула к маковкам и крестам.
Но какой бы я ни был веры,
И какой ни держал обет —
Запах ладана, запах серы
Прочно вписаны в мой сюжет...

Город плавился в топке лета,
Жаждал пива и ждал дождя.
Только, видно, по всем приметам,
Ждал его он напрасно, зря.
Вот и я, хоть анфас, хоть в профиль,
Что осталось от всех сует?
Запах курева, запах кофе,
Да семь бед, да один ответ...

А асфальт прилипал к подошвам,
Воровал у меня следы.
Как допытывался о прошлом
Непутёвой моей судьбы.
Но судьба бьёт в одни ворота,
Что накоплено в сумме лет?
Запах крови и запах пота,
А другого – пока что нет...»

* * *

Молдавская АССР. Город Кишинёв. 25 декабря 1959-го года. В этот день родился Игорь Доминич – поэт, творчество которого востребовано в наше время.

Всё начинается с детства. Там его истоки. И чтобы попытаться понять суть поэзии самобытного поэта, ещё одной звёздочкой вспыхнувшего на небосклоне, попытаемся открыть занавес в его прошлое.

Игорь был единственным ребёнком в семье. Его отец, Эдуард Доминич – честный труженик, много лет проработавший на заводе, по своей природе был человеком мягким и тактичным. По словам Рахмиля Евгеньевича Вайнберга, мастера спорта по туризму, в то время

руководившего кишинёвским клубом туристов, Эдуард Доминич стоял у истоков туристского движения Кишинёва. Отец Игоря умел видеть и ценить прекрасное. Имея способность к рисованию, он принимал участие и в клубных оформительских работах.

Сам Игорь рассказывал: «О музыкальной школе и речи не было. Родители меня таскали по лесам чуть ли не с года (они были заядлые туристы), а в лесах вольницы хватало. Вот и авторская песня оттуда, из леса.»

Мать Игоря была доброй интеллигентной женщиной. Она работала делопроизводителем в юридическом учреждении. Судьба отмерила ей небольшой срок. Она умерла в 56-летнем возрасте после тяжёлой неизлечимой болезни, что не могло не отразиться болью в его впечатлительной душе.

Был ещё у Игоря в родственниках дядя – Юлиу Эдлис, известный в России и Молдавии литератор и сценарист. О нём Игорь часто рассказывал друзьям. Возможно, разговоры о писателе в семье оказали своё влияние на его первые юношеские увлечения, театр и стихотворство...

А дальше было всё, как у всех: окончил среднюю школу, отслужил в армии – в Забайкалье, в ракетных войсках.

Его друг, талантливый бард из Гамбурга Александр Соломонов, вспоминает, что в их с Игорем юношеские годы в Кишинёве работал молодёжный театр «Данко», руководителем которого был Борис Довженко. Первоначально театр располагался в клубе Строителей, а потом получил в аренду под театральное помещение Харлампиевскую церковь. Творчески настроенная молодёжь теперь имела своё помещение. «Замечательно было и то, что оно находилось достаточно близко к центру города. Там были и мастерские, и подсобки, и костюмерная, и телефон. В общем – реализованная мечта! Там я впервые и встретился с Игорем Доминичем. Он тогда занимался светозвуковой техникой. Театр был самодеятельным. Все где-то работали и театром занимались в свободное время. Дальше всё шло своим чередом. С театром работал и профессиональный режиссёр Арнольд Бродичанский – ученик Товстоногова. Были поставлены очень хорошие спектакли: «Эдит Пиаф», ставили Ионеско, Брехта. Народ ходил и на спектакли, и на концерты.

Девчонки в театре были красавицы. Многие пары тогда появились. Игорь и Маринка стали мужем и женой. Появились дети. Потом произошла страшная трагедия. Маленький ребёнок выпал с балкона четвёртого этажа. Мы все были на похоронах. Может, поэтому их семейная жизнь дала трещину...

Прошло ещё какое-то время. Кажется, Игорь Доминич работал в школе учителем трудового обучения. Однажды он показал мне стихотворение «Ну, не любит Россия поэтов». Думаю, что оно было посвящено Владимиру Высоцкому. Это были уже стихи.

Так началось наше общение с Игорем, основанное на внутреннем понимании. Впоследствии оно переросло в дружбу. В это время уже вовсю были волнения в Кишинёве. Однажды жена моего близкого друга не пустила его на концерт в театр «Данко» по поводу моего 40-летия, потому что было неспокойно. Дальше – больше. Многие потеряли работу. Театр закрыли, помещение вернули церкви. Всё посыпалось».

Эту информацию я не оставила без внимания, посмотрела один из фильмов режиссёра Арнольда Бродичанского, который является ярким свидетельством драматизма того времени. Фильм выпущен в 1987-ом году. В нём чувствуется атмосфера в стране середины восьмидесятых годов. Всё смешалось в картине – реальность и художественный вымысел. События прошлого проходят перед глазами: история в виде трагедии или фарса. Принимаю к сердцу чувства артистов, узнавших вдруг, что театр закрывается. Это были годы, отданные любимому делу. Одна из героинь фильма восклицает: «На что я потратила 12 лет: могла аспирантуру закончить, могла бы быть семья, я же здесь каждый вечер...» Артисты – энтузиасты, они живут театром. И их жизнь в одночасье – уничтожена, отобрана. Театр – закрыт. Конечно, на то были

и объективные причины – помещение бывшей церкви требовало ремонта, но всё же... Для молодых людей, посвятивших театру много лет, закрытие его явилось трагедией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.